

Проза

Дмитрий Зарубин. *Дневник русского мальчика. Повесть*
Александр Образцов. *Цицерон. Рассказы*
Асаль Аббасова. *Драгоман и убийца. Рассказ*
Анна Стручкова. *Айдар. Рассказ*
Иен Шайн. *Еврейский папа. Рассказ*
Анатолий Чечик. *Лабиринт. Поэма в прозе*

Дмитрий Зарубин

ДНЕВНИК РУССКОГО МАЛЬЧИКА

Предисловие

Меня зовут Михаил Исаевич Файнштейн. Я уже старый журналист, работаю в городской газете «Октябрьские Зори». Живу в Старом Осколе, Белгородская область. Наш город славен тем, что упомянут в «Слове о полку Игореве», в том месте, где летописец рассказывал о маршруте движения дружины славного князя земли русской. Оставил Оскол некий след, судя по спискам Свидригайло, и в истории четырнадцатого века, войдя в состав Путивльского повета, административно-территориальной единицы Литвы. Потом передавался из рук в руки различных киевских и татарских князей. Под властью московской стал в 1500 году. Но официально его день рождения определен с 1593 года. Обыкновенно эта праздничная дата отмечается ежегодно в первое воскресенье сентября пышными добровольно-принудительными народными гуляньями и движением колонн производственных и прочих масс по главной улице — имени Ленина. С трибуны начальство делает им под козырек, грохочет салют, и энтузиасты кричат «Ура!».

В период до Великой Октябрьской революции в ближайших окрестностях ученый-немец открыл Курскую магнитную аномалию. Во времена гражданской войны Иосиф Сталин проследовал через Оскол в Первую конную армию, а Владимир Ульянов как-то сказал, что разработку КМА надо вести сугубо энергично.

В семидесятые-восемидесятые годы двадцатого века Старый Оскол объявился населенным пунктом трех ударных комсомольских строек. Юноши и девушки многонационального Советского Союза, а также интернациональные отряды братских социалистических стран: Болгарии, Вьетнама, Румынии, Польши — с неисчислимым пока количеством эков и строительных батальонов Советской Армии отгрохали почти что на городских окраинах Стойленский и Лебединский горно-обогатительные комбинаты, цементный завод и Оскольский электрометаллургический комбинат имени Брежнева.

Этот самый ОЭМК был построен на деньги Федеративной Республики Германии и оснащен немецким же оборудованием. Упорно поговаривают, что проект продвижения европейских технологий пролоббировали высокие чины из министерства внешней торговли СССР не вполне бескорыстно, за что в годы перестройки и поплатились...

Как водилось в те блаженные «застойные» годы, у Старого Оскола в ФРГ немедленно нашелся город-побратим, из которого в основном и гнали для Оскольского комбината печи для плавки металла, прокатные станы и прочую металлургическую оснастку. А из образцово-показательного, ударно-комсомольского в заграницу ездили должностно-представительские делегации, формируемые по принципу один человек из рабочего класса, один — из рядовых коммунистов, представитель интеллигенции и колхозного крестьянства, несколько скромных девушек, первые секретари горкома и райкома, председатели гор и райисполкомов, пара чекистов.

Однажды, после того, как в Осколе нелегально побывали корреспонденты «Нью-Йорк Таймс», описавшие в своих публикациях громадные очереди за мясом, молоком и сыром, из такой группы, готовящейся к посещению Западной Европы, выбросили, невзирая на регалии и собранную валюту, начальника народного образования и по-быстрому включили меня.

И я поехал. И немецкое пиво сделало меня человеком счастливым и не озабоченным своим прошлым-настоящим-будущим. И так промелькнуло два дня. Вечером третьего, когда я собирался в обратный путь, меня посетил Курт — журналист местной газеты. Он принес книгу, не очень объемную, изданную добротной, на хорошей бумаге, с фотографиями Старого Оскола. Приглядевшись, я понял, что снимки времен Второй мировой войны.

Курт объяснил, что это дневник русского мальчика четырнадцати-пятнадцати лет, периода оккупации. Его привез с Восточного фронта местный житель. На последующие мои расспросы он отвечал четко и, как показалось, откровенно...

Бывший фронтовик уже умер. Дневник русского мальчика перевели на немецкий и издали в знак покаяния за содеянное вообще, и в нашем городе — конкретно. После чего успокоились, через определенный государственным стандартами срок оригиналы рукописей, хранившихся в типографии, были сданы в макулатуру, а там вско-

ре и само издательство обанкротилось. Таким образом, существует только немецкая версия дневника, каковую Курт мне и подарил.

Руководителю делегации я ни о чем не сказал. Через границу перевез совершенно спокойно, книжка валялась в самом верху сумки. Потом я про нее забыл. Дальше было некогда: развернулась перестройка, Ельцин, девяностые, нулевые опять же... Но ветер перемен стих, движение вновь перешло куда-то внутрь, и появилось время разобрать архив.

Подарок Курта нашелся сразу, а поскольку краеведение у нас всегда в почете, то я решил узнать, что же писал в далеком 1942 году мой юный земляк. Наш местный знаток немецкого, которому я заплатил за перевод, посоветовал, отдавая работу, спрятать этот дневник подалее, потому что, мол, непатриотичен и дивидендов никаких не принесет. Только неприятности.

Прочитал я текст, разбил на главы, кое-что по-журналистски подчистил. И отложил. А потом, подумав, все-таки решил попытаться его опубликовать. Кстати, перед отправкой перевода в редакцию журнала предложил переводчику поставить свою фамилию, дабы сохранить авторские права, за мной ведь заслуги в этом отношении маленькие. Он отказался наотрез. Сказал, что ни на что не претендует: не нужны ему ни Нобелевские премии по литературе, ни подвалы Лубянки.

Вот так-то, я свое дело, считаю, сделал. Теперь очередь за вами.

Глава 1

2 июля 1942 года. Вечер. Температура 27 градусов тепла. Красноармейцев в городе не видно, но и немцы еще не пришли. Устал, целый день таскали с мамой и бабушкой уголь с железнодорожных путей. Сестренка складировала его в погреб. Когда я сказал, зачем так глубоко, мать на меня шикнула: не перечь, придут германцы, чтоб не нашли. Теперь мама и бабушка ушли на разбитую самолетами мельницу. Хотят собрать какое-нибудь зерно или муку. Сестра плакала — не пускала, но соседка Нюра настояла, потому как есть возможность, а убить могут везде.

Я решил писать Дневник событий и приключений. Чтобы грамоту не запустить, да и потом интересно будет снова все прочитать и вспомнить. Еще. На улицах валяются убитые лошади, в магазинах

на Ленина прилавки порушены, товар растащили отступающие и местные. А Вовка утверждает, что в окопах и дзотах по берегу реки лежат застреленные чекисты и командиры. Хвастался большим пистолетом, обещал принести и мне такой же за портсигар, который я нашел возле разбитого моста.

Заканчиваю, потому что наши пришли с мешками. Полными.

3 июля. Наверное, полдень. На улице светит солнце, видно через щелку в двери, но температуру не знаю. Торчим в погребке с утра. Была сильная бомбежка. Горели какие-то вагоны на станции. Сначала сидели в щели, вырытой на наш и Нюркин дом. Как началась стрельба, мамка погнала вниз. Нюрка тоже прибежала, запыхалась, ругается, что зажег свечку, но мамка сказала — не тронь, мой сын, моя свечка — и тетка отстала.

Рассказывает, что по улицам ходят не немцы, а какие-то диковинные солдаты в синих куртках, с винтовками — ищут красноармейцев. Они содрали с исполкома красный флаг и сожгли. В воздухе стоит такая вонь от трупов, что не хочется ничего есть. Соседка, злыдня, радуется, говорит, зато на зиму больше припасов останется. Сестра снова плачет, наверное, вспоминает папку. Его нет дома уже с мая 1941 года. Забрили в армию, написал два письма и пропал. Мамка письма уже сожгла, вместе с фотографией, где он на митинге со знаменем, врученным за победу в трудовом соревновании.

Скучно. Жалко нельзя ничего почитать, а то у меня под матрасом книжка из библиотеки лежит «Всадник без головы».

Уже поздно прибежал Вовка. Утверждает, что вполне можно подниматься и ночевать в хате. Мамка заругалась и не пустила меня наверх. Так и будем тут сидеть, пока не окоченеем.

Нюрка тоже ушла. Сестра плачет. Мать не выдержала рева, сейчас собираемся и пойдем домой.

5 июля. Жарко. Два дня с сестрой ходим с небольшими мешками на мельницу, где наши, отступая, подожгли зерно. Мы набираем не полностью сгоревшее зерно и носим домой. Потом на реке погружаем железное корыто в воду и высыпая зерно в корыто. Сгоревшее зерно всплывает, а хорошее остается в корыте. Ссыпая его на брезент и сушим. Мать сделала ручную мельницу, на ней мы мелем это зерно, а потом бабушка из этой муки делает пышки. У них запах дыма, но очень вкусно.

Многие здания разрушены, стоят кирпичные коробки — внутри все выгорело. В городской пекарне емкости заполнены засохшим тестом: не успели выпечь хлеб.

В библиотеке и книжном магазине книги разбросаны на полу, женщины отрывают от них плотные переплеты и забирают книги на растопку.

7 июля. Дождь. Температура 26 градусов. Иногда сильный ветер. Не писал два дня, так как работал. Пришли мадьяры (это про них соседка рассказывала, что солдаты непонятной армии) и заставили нас с мамкой идти за ними. Собрали толпу возле коммунистической школы в человек сорок. Пересчитали, разбили по пятеркам, в каждой назначили старшего. И мы начали убирать улицы от трупов, мусора, засыпать кирпичом ямы и воронки. Меня раза два вытошнило, а потом мамка дала свой платок и приказала завязать рот и нос. И вправду стало легче, но я все равно старался к трупам не ходить. Солдат на меня было заорал что-то непонятное, но мамка сказала, что я маленький и сил нет таскать эти мерзости. Мадьяр так ударил, что ухо до сих пор кровянит, но отвязался. Гад. Есть не давали. Домой не отпускали. Ночевали в подвале коммунистической школы. Воняло от нас как от мертвых.

Когда чистили книжный магазин, сумел стащить себе Джека Лондона. Остальные книги отнесли в районную управу. Видел там слободского председателя колхоза Василия Макаровича Распопова. Живой. И вроде чем-то довольный. Он спросил у меня, как мать. Ответил, что нормально, только домой не отпускают уже два дня. Потрепал меня по плечу, сказал, что наведем порядок и начнется у нас настоящая жизнь. Пообещался помочь и зайти в гости.

За рекой бабахают пушки. Самолеты немецкие летают. Думаю. Если Красная Армия всех сильнее, то почему в нашем городе фашистские солдаты? Папка, вон, писал из армии, что у них там самое сильное оружие в мире. Я ему верю. Тем более, что сам видел в городе красноармейские секретные военные машины, и даже автоматы.

Прибежал Вовка. Весь тоже замученный, его с матерью заставили закапывать противотанковый ров на другом конце Стрелецкой. На ухо рассказал, что на Казацких буграх лагерь пленных появился. Предложил туда сбежать. Я отказался. Устал, да и убьют сдуру.

Пришла мать с Нюркой. Покушали картошки и чаю со зверобоем. Просил сало — не дали, хотя мамка колебалась, но соседка начала кричать, что зимой опухнем с голода. Не дали.

Сказывают, что в городе самый главный начальник — немец, майор Гаух. На заборах висят его распоряжения. Ходить ночью нельзя. А с завтрашнего дня надо идти регистрироваться в городскую управу. Бабушка говорит, что туда со 2 июля две очереди образовались: одни записываются на службу к немцам, а вторые с доносами — кто в городе был коммунистом, комсомольцем, евреем, а у кого родственники в Красной армии служат.

8 июля. Вечер. Температура 28 градусов. Ветра нет. Очень душно. Целый день стояли за документом, что мы здесь живем. Кто-то в очереди начал ворчать, что стоим как при советской власти, так к нему подскочили двое каких-то азиатов с белыми повязками на рукавах, схватили и куда-то утащили.

Потом появился Распопов и громко крикнул, что не надо выражать недовольство и вспоминать прошедшее, иначе глаз — вон. И засмеялся. Один. Во дворе висели разные приказы господина Гауха. Больше всего народу стояло возле плаката, на котором было напечатано, что с завтрашнего дня население города и слобод начнет готовиться к выборам русского главы городской управы. Такие непонятные слова, я их даже переписал: «Любой социальный слой имеет право выдвинуть своего кандидата, и даже самого себя, при двух условиях — незапятнанность большевизмом и лояльность к новой власти».

Поели опять плохо. Щи из крапивы. Мамка говорит, что с витаминами, но я в кастрюле ни одного не видел. Обиделся, а какой толк? Зато прискакал Вовка, и мы вдвоем сбежали к разбомбленному дому на другую улицу. Там наковыряли с огорода моркови и сразу съели. Сладкая, только плохо помыли. Хотел домой отнести, а Вовка отговорил: отберут, а так сами покормимся. Он мне так и не принес пистолет, хотя портсигар забрал. Но все равно Вовка хороший. Мне без него было бы скучно. Потом поиграли в ножички и разошлись. Я дождался, когда его не будет видно, вернулся назад и накопал домой штук десять морковок.

Бабушка очень хвалила за морковку. Попросила, если что-нибудь еще съестное увижу — нести домой, иначе попрем поодиночке. Сестра сразу слопала три морковки. И бабушка ничего не сказала об этом маме, только отдала оставшееся.

Открыли больницу для населения. Лечение платное: 10 рублей в сутки. Пищу для больных носят из дома. Мать ходит на работу в госпиталь для наших раненых. Магьяры в нем в основном держат командиров и летчиков. Охраняют строго. Работникам госпиталя в конце каждого дня дают паек и там еще кормят. Руки у нее опухшие. Принесла три листочка. На каждом портрет и биография. Увидел Распопова на листочке. Мамка сказала, что это предвыборная агитация.

10 июля. Утро. Идет сильный дождь. Температура, наверное, большая, потому что душно и голова болит. Бабушка рассказывает, что это наказание за наши грехи. Спросил из вредности: что наказание — дождь, магьяры или немцы? Бабушка рассердилась. Но наоборот, голос понизила, начала бурчать, что наказание за то, что советы церкви порушили. Да, я сам видел, как взрывали церковь на главной улице. Сначала пытались веревками свалить. Но получилось только маковку с крестом, да колокола. Ух! Они очень громко загудели, когда упали, а ударились на земле боком друг о друга и поломались. Развалились на кусочки. Люди было бросились подбирать их, но милиционеры рядом стояли — заругались, и самый главный из них даже выстрелил в воздух из нагана. Распопов тоже там стоял. Ухмылялся и говорил: теперь советская власть и на небе себе все завоевала. А он — Васька — теперь самый главный на земле, поскольку проводит директивы советской власти на практике. И самолично схватил бревно и ударил в стену. И здорово ударил — целый кусок вывалился. Слободские колхозники, кто помоложе, увидели такое и тоже стали бить в окна, двери, стены бревнами. И раздолбали собственноручно. И только матерились, когда бабки да женщины пытались их урезонить. Да и замолчали женщины, когда главный милиционер пригрозил, что если кто еще чего скажет, того он под трибунал подведет — и в Сибирь.

А вторую церковь, самую главную, возле тюрьмы, взрывали шахтеры из горняцкого поселка, что рядом с Соковым. Они заложили заряды под четыре угла, потом милиционеры и конвойные погна-ли народ с улицы, и шахтеры рванули. Грохот такой был, как будто большой шмат железной кровли упал на наковальню. Моя бабка тоже упала — в обморок. Мать ее еле отходила. Бабуля три дня не разговаривала.

Я рад, что идет дождь, потому что магьяры повадились нас гонять на какие-нибудь работы. Денег не дают, только смеются и карманы собственные пустые выворачивают. У них теперь помимо азиатов и местные помощники объявились. Тоже с белыми повязками на рукавах и с винтовками. Для всех этих, которые заодно с новой властью, столовая открылась в городской управе. Пахнет оттуда вкусно на четыре дома, с обеих сторон по улице.

11 июля. Вечер. Температура 25 градусов. Венгры открыли пожарную часть. Мы с Вовкой туда вчера бегали вечером. Смотрели, как нерусский офицер и Распопов перерезали красную ленточку при открытии. Василий Макарович распорядился. По его приказу полицаи пригнали из ближайших домов женщин и девок, заставили их кланяться майору Гауху, который тоже там был, и подавать ему хлеб с солью. Васька при этом кричал, что это исторический день, что еще никогда Старый Оскол не видел такого великолепия и парадности. Мне понравилось, как он выражался. Почти так же, как по радио говорили при советской власти. Он меня увидел и опять пообещался, что придет в гости, и даже дал сахар. Вовка мне потом сказал, что я предатель. Я ему двинул кулаком в грудь, но он не обиделся и пояснил, что брать еду от врага нехорошо. Тут мы с ним поспорили. Я у него спросил: какой же Распопов враг, если он был и раньше начальником? А Вовка ответил, что тогда он был нашим начальником, а теперь у фашистов служит. Мы подумали немного, и я ему ответил, что начальство везде одинаковое. Вовка не согласился, и даже ударил меня в ответ, и крикнул: а где твой батя служит? Тут я понял, что он имеет в виду. Но из вредности не согласился и сказал, что все начальники, учителя, из «Водосвета», которые работали при советской власти, и сейчас тоже работают. Получается — и они враги? Вовка задумался и признался, что пока не понимает, в чем тут закавыка. Но с другой стороны, если они все перестанут работать, то и у нас ничего не станет лучше, а только хуже получится. Мы помирились и пошли домой.

Пришли поздно. Сестра уже спала. А мамка дала мне больничий подзатыльник и заругалась, что пришел поздно. Бабушка молилась. Просила бога помочь и не дать умереть раньше положенного. Просила хлеба на зиму и чтоб не болели. Мать, наверное в наказание, ничего не дала есть. Ночью бурчал громко желудок.

12 июля. Очень раннее утро. Тепло, градусов 25, от земли идет белесый пар, как от речки. Решил сразу записать свой сон. Присни-

лось, что я вместе с батей иду по Ленина и на мне чистый и без дыр пиджак. Люди нам руку жмут, и оркестр играет. По столбам репродукторы висят, и из них речи слышны. А навстречу мамка и бабушка в белых платочках с хлебом, а сзади сестренка с котелком щей. И запах вкуснящий.

Пришел Вовка, и мамка нас отправила ловить рыбу, сказала не приходите, пока чего-нибудь не поймаем. И что поймаем — то и будет нашим обедом.

Вечер. Замерз. Хорошо хоть окуней наловили, и то фриц увидел нашу рыбу и почти всю отобрал. Фашист несчастный. Рыбы много, наверное, мертвяками питается и от хорошего корма во множестве размножается. Вовка говорил, что надо раков половить, но я испугался — вспомнил, как хоронил трупы, и опять чуть не стошнило. Надо как-то к этому привыкнуть. Вовка хвастается, что может любой труп раздеть и одежду себе унести. Я не поверил. Он обиделся и показал командирскую фуражку, снятую им с красного генерала.

Буду ложиться. Мамка ругается.

15 июля. Температура 28 градусов. Ветра нет. Такое ощущение, что воздух облепил все вещи: дома, сараи, деревья и даже людей, — и повис на них, как сметана. Очень противно. Вчера снова приходили мадьяры и гоняли на работу в слободу Ямскую. Разбирали завалы битого булыжника и поваленных деревьев. Венгерская армия там разворачивает какой-то госпиталь. Бабы шушукуются, что в Атаманском лесу окружили красноармейцев и потравили газом. Мы видели, как по дороге ездят военные грузовики с красными крестами. В лес и обратно. Шоферы сидят в противогазах — смешно выглядят, как слоны на картинках в журналах «Вокруг света». Но Вовка говорит, что это не смешно, а плохо — и мы тоже можем отравиться газом. Где-то в середине дня в Атаманском внезапно стали стрелять, а потом раздались взрывы. Мы попадали кто куда и старались скрыться под собранными кучами мусора. Конвойные залегли, развернувшись к пальбе, и приготовили винтовки. Потом пролетел самолет с красными крыльями и кинул на нас бомбы. Разрывы были сильными и разнесли собранное. Одного мадьяра и двух женщин убило. А Вовка так испугался, что написал в штаны. Мне было стыдно, и старался на него не смотреть.

В результате этой катастрофы мы оказались ничейными. Венгры бежали по улицам, что-то кричали. На дороге стоял разбомбленный

грузовик с красным крестом, и из развороченного кузова высывались трупы. Они были какие-то изъеденные, а одежда на них покрыта белесым налетом. Пахло валерьянкой. Меня сразу затошнило, и я побежал от машины подальше. Потом оглянулся: солдаты в противогазах окружили машину и лопатами стали забрасывать вывалившиеся на землю куски назад в кузов. Подъехал танк с белыми крестами — машину прицепили к нему — и сцепкой они поехали в сторону Чуфичево.

Я потихоньку, не привлекая внимания, поплелся к дому. Вовка со мной не пошел, остался у места работы, а потом, наверное, ушел к речке — купаться и стираться. Я его понимаю. Сам бы так сделал, при эдаком конфузе. Но я ему об этом не буду напоминать, потому что он единственный мой друг и без него было бы необычайно скучно.

Война — и война, надоело, уже два года почти что одно и то же. Поесть нельзя вдоволь, поспать, поиграть, в школу то ходим, то не ходим. И постоянно заставляют работать. У меня ладони распухли, стали как у бати, и мозоли, как маленькие камешки, бугрятся. И мамка постоянно сердитая, а сестра через день плачет. Неправильно это. То ли дело в мире жить. К нам каждое лето господа-товарищи из уездного центра приезжали на отдых. Покупали фрукты, овощи, купаться ходили. Однажды приехала целая экспедиция археологов. Самый главный поселился в нашем доме. По вечерам они с батей разговоры вели. Оказывается, в наших краях океан находился, а потом вечная мерзлота накатила и мамонты пришли. Вот они мамонтов на окраине города и нашли. Археолог показывал бивень: желтый такой и совершенно твердый. Потом главный сказал, что в городе под землей ходы имеются. Их монахи и стрельцы сделали еще при царях.

Целую неделю они землю копали, а закончилась экспедиция странно. Вечером к археологу пришли чекисты и забрали. Бате буркнули, что ежели кому даже только шепнет, то вместе с ним повяжут. В районной газете напечатали, что оказывается, это были не ученые, а японские шпионы, которых специально в СССР заслали, чтобы они делали склады на случай выброса воздушного десанта. А мамонт и подземные ходы — выдумка империалистов. Вовка таскал меня смотреть, как засыпали раскопки и ходы. Мы возле одного даже крестик нашли черный. А на том месте, где мамонтов выкапывали, теперь пашня и колхоз имени Луначарского. Вернее, раньше так было. Венгры устроили вместо колхоза сельскохозяйственную общину и пообещали

щали каждому собственный большой участок земли, ежели хорошо поработает на общинном поле. Многие с радостью согласились.

17 июля. Температура 30 градусов. Приходил Распопов, приносил самогон и сало с хлебом. Мне он не нравится, батя никогда не пил самогон в тридцатиградусную жару. А мамка его боялась.

Вчера полицаи всех подряд выгоняли на работу в поле. Под руководством какого-то штатского немца, длинного, в очках. Копали землю. Причем верхний слой с сорняками и травой срезали и оставляли, а метровый слой чернозема грузили на машины.

19 июля. Температура 31 градус. За рекой слышна канонада. Так душно, что мы с Вовкой никуда не ходим — сидим или у нас за сараем, или в его усадьбе возле погребца. Оттуда приятно тянет холодом сквозь щели большой двери. Играем в ножички. У Вовки классный ножик, со звездочкой сбоку и с вилкой. Он хвастается, что нашел его в окопах вместе с пистолетом. Но пистолет не показывает, хотя обещал подарить. Говорит — убьют венгры, если увидят. Он больше меня всего знает. Потому что пронырливый и подвижный, но зато он не хочет писать и думать, как я. Его это злит. А я успокаиваю — втолковываю ему, что мы дополняем друг друга.

В городе объявились некоторые бывшие дворяне и помещики. По крайней мере, так Вовка рассказывает. Они ходят — смотрят на свои бывшие дома и, если они целые, то отбирают их назад — себе. Вместе с ними в слободе Ездоцкой встал на постой казачий полк. Казаки, правда, не похожи на самих себя в картинках в нашем учебнике про гражданскую войну, но разговаривают по-русски. Горожан не трогают, не то что какие-то азиаты, одетые в гимнастерки наподобие красноармейских.

Вообще, разных военных развелось великое множество. Полицаи. Казаки. Жандармы. Азиаты. Венгры. Немцы. Какие-то русские добровольцы с трехцветными кокардами. Некоторые венгры ходят в высоких шапках с перьями. А среди немцев есть штатские.

Распопов тоже стал начальником, как раньше первый секретарь райкома партии. Я вот думаю, он при советской власти был председателем колхоза, а сейчас — командует районной управой. Неужели немцам никто не шепнул, что он бывший красный? Может, мне какое письмо подбросить в комендатуру, чтобы они его в тюрьму посадили и он к нам больше не приходил? Замучил совсем своим самогоном и салом. Причем сам приносит — сам пьет и ест — а остатки уносит.

Бабушка его вчера ехидно спросила: а что, мол, с выборами? Он же на главу городской управы выдвинулся. Василий Макарович засмеялся в голос и ответил, что немцы хотят демократически обставить какую-то процедуру. Чтоб несколько кандидатов, у каждого предвыборная программа, агитация — инициативные группы будут распространять идеи кандидатов. Мама робко заметила, что не видела никого. А этот гад ответил, что в комендатуре создали избирательную комиссию, зарегистрировали претендентов и только через месяц разрешат вести публичные уговоры. Гордо утверждает, что будет не так, как при советах, а через демократические последовательности. Сейчас в городской типографии печатают листовки и плакаты для зарегистрированных. Потом будет предвыборный период — месяцдва, а в октябре-ноябре сами выборы. Обставят торжественно, с попами, молебном и знаменами.

Он, Распопов, собирается победить и стать главой. У него есть большой управленческий потенциал, тем более — сейчас он глава районной управы, а значит на виду и у народа, и у оккупационных властей. Дела — лучший показатель его способностей. А когда я его спросил: какие же у него дела — дал подзатыльник и заругался, что молокососы должны помалкивать. Обидно, что мамка не заступилась. А бабушка так даже встала и начала на него кричать, что он в гостях и нечего мальчика чужого лупить. Распопов осерчал, вытащил пистолет — навел на бабушку и крикнул — бах! Бабуля в обморок упала, а он хохотал до икоты, собрал свою жратву и ушел, качаясь.

22 июля. Температура 25 градусов. Второй день идет дождь. Хорошо. Прохладно, а то уже люди от жары стали падать. Говорят, в очереди на биржу труда от солнечного удара три девушки упали — и немцы так этим впечатлились, что вычеркнули их из списков на отправку в Германию. Соседки судачат о том, что даже немецкий офицер умер два дня назад от жары. Сердце разорвалось. Венгерские жандармы за него десять человек расстреляли на Казацких буграх, а потом оказалось, что это не партизаны его убили, а он сам — от солнца. В газете «Новая жизнь» о его смерти напечатали некролог, подписанный начальством, и там же венгерский доктор, который наблюдает за больницами, дал разъяснение, что в полдень лучше сидеть дома в прохладном месте и пить много воды. Венгры так и делают, а русские полицаи гоняют пленных на работы.

В эту духоту даже перестали вешать людей на малой площади. Немцам не нравится — слово такое высказали — неэстетично. Я спрашивал у матери, что это слово означает, а она не ответила, только бабушка заметила, что так европейцы определяют, кто из народов — дикари, а кто цивилизованные. Что такое цивилизованные, я уже и не стал узнавать — побоялся — заругает сильно. А в первую неделю, когда пришли немцы, очень активно вешали и расстреливали. Лучшего доктора в городе убили из-за того, что он еврей. Вовка утверждает, что все, кто приходит на службу в немецкую или венгерскую комендатуру, сразу пишут на бумаге, кого они знают из коммунистов и жидов. Я ему говорю — плохо так называть — жида. А он — чего, это народное название, я же ничего не имею против них конкретно. Но я ему все равно сказал, что если немцы и венгры их расстреливают, значит, они хорошие — и поэтому не стоит о них говорить плохо. Вовка распахнулся, начал орать, что я сам — жид! Рассорились и расстались.

В городе много беженцев осело, которые шли от немцев, но не успели уйти. Их загнали в специальный лагерь, где проверяют документы и меряют им черепа. Кто не прошел по специальной мерке — убивают. Остальных гоняют на работы разные.

23 июля. Температура 24 градуса. Прохладно — хорошо. Сегодня в городе открылся первый частный магазин. Мы ходили туда всей семьей, сестренка даже перестала плакать. Ничего особенного, как и при красных — хлеб, самовар, сапоги, одежда и игрушки. Книг не было.

Теперь постоянно, а не как при красных по выходным, работает базар. Венгерские солдаты занимаются торговлей. На большой бричке, запряженной парой лошадей, привозят в мешках пшеницу и меняют на золотые изделия, расшитые полотенца, чай, иконы и другие вещи.

Со станции в Германию ушел товарняк с землей. Это мне Вовка рассказал. Я сначала не поверил, но он дал честное пионерское. Я спросил у бабушки, зачем немцам земля? Она, вздохнув, ответила, что такого богатого чернозема в Европе нет.

24 июля. Температура 26 градусов, сильный ветер со стороны Воронежа. Мать прибежала с базара радостная. Там порасклеили плакаты, что теперь колхозов не будет, а каждый, кто захочет, — может получить землю для обработки и высадки культурных растений.

Тех, кто не знает, как работать с землей, немцы обещают научить. Горожане тоже получают землю за счет участков, находящихся возле разбомбленных домов или у тех домов, у которых нет хозяев.

Еще раз перечитал «Всадника без головы». Жалко, что больше нет Джека Лондона. Книжку «Ледяное безмолвие» замусолил так, что она стала склизкой и черной.

Сестра наконец-то перестала плакать совсем. Но и говорить тоже не хочет — показывает жестами, что ей нужно. Бабушка думает, что это у нее от страха, а соседка рассказывает, что хитрит, работать не хочет.

27 июля. Температура 27 градусов. Ветра нет, по речке волны не катятся — стоячее болото, а не река, и пахнет тиной и ряской. Помирились с Вовкой. Ходили на рыбалку. Наловили много, осталось и домой принести, хотя венгры самые большие рыбины себе забрали.

Венгры странный народ. Вроде не такие плохие, как немцы. Но есть у них целая армия: одеты в такую же форму, как и все, только без оружия, они их называют — трудовые евреи. Жандармы этих трудовиков гоняют работать наравне с пленными, а издеваются больше. Сегодня видели, как евреи в форме строили мост через Осколец. Та-скали здоровенные бревна. А жандармы сидели на бревнах сверху и били несущих прикладами, орали про какого-то Хорти и его рабов.

Бывшую главную улицу переименовали. Раньше она была имени Ленина, а теперь стала имени Адольфа Гитлера. Ее сейчас усиленно чистят и развешивают репродукторы и флаги, транспаранты. Обещают, что через пять дней будет парад в честь победы в нашем городе над большевиками. В «Новой жизни» печатаются репортажи о том, как трудовые коллективы различных предприятий хотят выйти на этот парад своими колоннами. А майор Гаух пообещал лучшей колонне — приз!

29 июля. Температура 28 градусов. Опять жарко. Сегодня мать, бабушка, соседка и сестра ходили в госпиталь для наших раненых — выбирать себе родственника. Немцам надоело пленных кормить и расстреливать, и они объявили через плакаты и газету, что если кто из горожан увидит там своего родственника, то сможет забрать его домой под надзор полиции. Для этого надо принести в госпиталь документы, лекарства и 20 марок.

Уже через час бабы потянулись на улицу Хорти (бывшая Интернациональная). Венгры запускали по одному, предварительно отбирая продукты, деньги, лекарства. Всем подряд не отдавали — через два

человека — и только лежащих, тяжело раненных. Нам не дали никого, а соседке молоденького такого пацана, может, чуть постарше меня, с дыркой в голове. Мы его с трудом донесли на одеяле до хаты. Соседка сокрушалась, что обманули — не выживет парень, помрет. Мамка сказала — отдай мне, у меня не помрет. Соседка так обиделась, что даже не выругалась, а просто хлопнула дверью и ушла гордо.

Приходил полицай — принес повестку, что мне завтра надо прийти в районную управу. Мать сразу побежала к Распопову узнавать, в чем дело и нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы жизнь продолжалась по-прежнему.

Глава 2

2 сентября. Температура 24 градуса. Очень хорошая погода. Листья уже желтые, падают, и под ногами как ковер желто-красный. Вчера вечером я вернулся домой. Нас на целый месяц гоняли венгры в деревню Лапыгино на сельскохозяйственные работы. Перед этим мать бегала к Распопову. Но он не помог, а может, не захотел помогать, и меня забрали вместе со всеми.

Вовку тоже забрали. И хорошо, мне было не так тоскливо и противно в этой деревне.

Когда нас пригнали, дома и другие постройки уже были заняты. Поэтому венгры разрешили нам один день потратить на обустройство жилья. Мы с Вовкой выкопали большую яму, а сверху закрыли ее ветками и жердями и прикрыли соломой. Внутри положили траву и свои фуфайки. Получилось сносно. По нашему примеру рядом устроились и другие парни и девчата. Вовка был рад, что девчата рядом, даже говорил, что будем ходить на свидания, но потом оказалось, что работы так много и она такая тяжелая, что было не до свиданий.

Мамка меня увидела после Лапыгино и слов не нашла: онемела и окоченела, рыдала, как в первый месяц захвата немцами города сестренка, и не могла долго остановиться, а бабушка мелко-мелко, мелко-мелко крестилась и что-то шептала, как заговаривала. Потом они меня раздели, одежду выбросили в выгребную яму. Натопили баню, и мамка меня помыла, как будто бы я снова стал маленьким. И я, наверное, прямо там уснул, потому что проснулся только на сле-

дующее утро в кровати, укрытый одеялом, и в новом нательном белье отца.

В деревне нас сначала гоняли косить рожь. Полицаи выдавали перед полем серпы под роспись, а вечером собирали. Это чтоб мы не могли ночью кого-нибудь убить, как партизаны. Целый день работали без кормежки. Вечером после работы разрешали добывать себе еду в пределах села, даже дозволялось ходить к речке и в лес, но обязательно докладывать, когда куда-то идешь. За то, что пытались уносить с поля зерно, сильно били и предупреждали, что в следующий раз расстреляют. С двумя парнями и девушкой так и сделали. Их во второй раз застукали с зерном, — лично я думаю, хотя Вовка со мной не согласен, что на них кто-то из своих доложил полицаям, — сразу же раздели донага и перед общим строем расстреляли. А потом нас не отпустили искать еду, а заставили копать могилы на краю поля и хоронить.

Я при этом ничего не чувствовал, только жалел, что появилась дополнительная работа. Наверное, это плохо, они все-таки мои знакомые и люди, но мне было все равно. А Вовка сказал, что он в основном смотрел на то, как девушка выглядит голая. И что ему это не понравилось — такая же, как и мы, только еще тощее, аж ребра выпирали, как у лошадей.

После расстрела я ночь не спал. От голода. Хорошо, что разрешили на следующий день, вечером, снова идти разыскивать еду. Мы с Вовкой пошли на речку: наловили лягушек и мелкой рыбы — поджарили на прутьях, наелись и потом хорошо спали.

После уборки ржи нас заставили срезать под корень кукурузу. Тут хоть удавалось глотать початки прямо на стерне, потому что полицаи ленились ходить далеко, а мы, чтобы поесть, торопились убирать, чтобы отойти от них. И мы удивили венгров быстрой работой.

Дальше была картошка. Копали ее звеньями по трое. Один выковыривает, лопат не было, каждое звено подыскивало себе подручное средство — у нас имелась плоская и крепкая деревяшка, двое вычищают из земли и кладут в кучку. Полицаи ходили по рядкам и били прикладами и плетками — подгоняли и следили, чтобы не воровали клубни. Но за день удавалось съесть одну-две картофелины, прямо в коже.

Еще троих расстреляли за попытку вынести картошку с поля. Нас опять оставили без вечернего поиска еды и принудили рыть могилы.

Самая противная работа оказалась в конце. Соседний лес прочесывала немецкая специальная команда против партизан и наткнулась на большое стадо одичавших домашних свиней. Перестреляли их, а потом полицаи перегнали нас из деревни на место убоя. Мы снимали шкуры и перетапливали сало. Очень воняло.

Вовка сразу меня предупредил, чтобы я не ел сырое сало и свинину, иначе помру. Я послушался, хотя даже руки дрожали от того, что очень хотелось есть. Мясо. А потом я увидел, как умирали четверо наших, которые все-таки откусили по куску свинины. Причем полицаи их не сдерживали, а, наоборот, подзуживали и хохотали от счастья, что нашли себе развлечение. У парней желудок вышел через рот, они упали и колотились о землю, и текла из тела какая-то желто-черная жидкость.

За неделю мы со свиньями управились, и нам торжественно на общем построении объявили, что мы с героизмом потрудились на благо немецкого рейха и его восточных союзников. В благодарность за хорошую работу нас оставят в живых и вернут обратно в город. А двоих наиболее крепких парней заставили надеть полицейскую форму и взяли в отряд. Мы их больше не видели.

Шли в город два дня. Ночевали прямо на дороге. Полицаи ругались, но даже под прикладами мы не сумели встать, и им пришлось ночевать вместе с нами. Они боялись и ходили вокруг с винтовками, жгли костры и перекликались.

3 сентября. Температура 25 градусов. Погода хорошая. Бабушка меня потихоньку начала откармливать. Первый раз сварила для меня суп из помидор, свеклы и картошки. Очень вкусно. Я сразу уснул до вечера, а потом еще и ночью спал. Вовка не приходил.

4 сентября. Температура 24 градуса. Сухо. Бабушка снова сварила мне суп: свекла, картошка, помидор, и добавила туда костей от уже сваренной курицы. Сказала, что вареных кур приносит Распопов. Я как съел две тарелки, так сразу обессилел. Лег спать. Спал оставшийся день и ночь. Вовка не приходил.

6 сентября. Температура 25 градусов. Легкий ветерок. Деревья стоят почти без листьев. Бабушка говорит, что это к холодной зиме. Ел суп с костями от курицы. Уже не спал.

Не хочется об этом писать, но придется, хотя и не знаю, как получится, когда домой вернется батя. И что мне тогда делать с дневником. Но бабушка говорит, что в наших условиях невозможно ни-

чего предугадать и лучше каждый день жить, как последний день живешь, тогда будет легче. А будущее неизвестно, и его невозможно подготовить сейчас.

Я с ней почти согласен, но думаю, что-то в ее словах есть лукавое.

Вовка вчера приходил первый раз после Лапыгино. Я его не узнал: желтый, на лице видна самая маленькая косточка, а мышцы на руках и ногах болтаются, когда он двигается, как пустые мешки. Так вот он сказал, чтобы я не перечил бабушке — она в нашей семье самая умная. Я у него попросил пистолет, он ответил, что теперь как раз его и не принесет, чтобы я не наделал глупостей. Скоро ушел, сославшись на слабость и на желание есть. К моему стыду, я его не пригласил остаться у нас обедать — стал жадным. Бабушка говорит, что это от телесной болезненности.

8 сентября. Температура 23 градуса. Дождь сильный с порывами ветра. Все-таки напишу, и будь что будет.

Когда я вернулся с сельхозработ, меня мать сразу определила жить в летнюю кухню. Там уже была бабушка и сестренка. Я сначала не обратил на это внимания — очень хотел есть, и сил не было. А потом, когда я окреп, бабушка мне рассказала, что как только меня забрали в Лапыгино, вечером пришел Распопов. Он выгнал бабушку и сестру на летнюю кухню, а сам стал жить с матерью как муж.

Я оторопел от этого рассказа. А бабушка сказала, что в этом нет ничего такого: мать беспокоится за нашу жизнь и безопасность, поэтому стала с ним жить как жена. Теперь Распопов приносит еды, на ночь у ворот становится на охрану полицейский, а мать взяли на работу в районную управу. И теперь у нас есть возможность покупать на немецкие марки мыло, соль, чай и сахар. К тому же в управе работникам дают хлеб. И мать его уже набрала, засушила на зиму. Мы не пропадем ни при каких морозах.

Я сказал, что это предательство и надо убить их обоих.

Бабушка закричала, что я бестолковый и очень глупый мальчик. Потом долго плакала. Между прочим, сестра совсем прекратила плакать, даже тогда, когда плачут другие, но зато она перестала совсем говорить. Молчит, играет в какие-то тряпочки, глаза круглые и зрачки крупные.

Когда бабушка отплакалась, она сказала, что это вообще не наше дело — кто с кем живет. Главное, что мы живы. А отец, если выживет, придет домой, и они сами разберутся, кто в чем кого предал. Пото-

му что на войне у солдат тоже имеются всякие разные соблазны. Я не понял, а бабушка сказала, что мужики не могут терпеть долгого отсутствия женщин и сходят с ума. А в безумстве всякое может случиться.

То есть бабушка хочет сказать, что у бати на фронте тоже есть жена. Я не поверил этому. Тогда она рассердилась и долго ругалась. Говорила такие слова, которые я слышал только от путевых обходчиков. Я сильно расстроился. А бабушка увидела это и начала причитать по-церковному — довела меня до слез. Увидела, что я заплакал, и успокоилась, сказала, что ничего — пройдет и это, мука будет, главное остаться живым.

А я потом думал. Жить, конечно, хочется. Да и поесть я люблю, как оказывается. Но что-то неправильное во всем этом тоже видно. Я только не могу выговорить. А с другой стороны — хочу ли я, чтобы нас всех расстреляли? Или даже не всех, а только меня? Нет, мне страшно. Хотя в Лапыгино было такое отупение от работы, что и не страшно было, когда видел, как расстреливают. А вот сейчас добрался до дома, стал хорошо есть, и мне расхотелось умирать, и снова стало страшно, что могут убить.

Попался во дворе Распопов. Нагло ухмыльнулся мне в лицо, дал подзатыльник и сказал: дурак, это диалема, либо ты — либо тебя! Но лучше, когда ты. Добавил, чтоб не попадался ему на глаза, иначе пристукнет. Это он так сказал, потому что рядом не было ни матери, ни бабушки.

9 сентября. Температура 22 градуса. Дождь, шедший два дня подряд, наконец-то закончился. На улице ветер. Приходила мать, принесла починенные телогрейки мне и сестре, а бабушке почти новый теплый жакет. Бабушка испугалась, когда увидела его — сказала, что не наденет. Мать заплакала, и бабушка согласилась, что оденет, но попозже, когда привыкнет. Потом она мне сказала, что видела этот жакет на жене расстрелянного врача Янкеля, но вполне возможно, что ей показалось.

Мать попросила у меня прощения, что живет с Распоповым, но сказала, что делает это ради нас, поскольку он в противном случае обещал угнать меня и сестренку в Германию, а бабушку — с подозрением, что она еврейка — расстрелять.

Я молчал. Да мать и не особо хотела что-то от нас услышать. Посмотрела спокойно и сказала, что теперь будет каждый день прино-

сить хорошей еды, чтобы я поскорее выправился. Она не спрашивала, как я там, в Лапыгино. Рассказала, что каждый день в управу приносят списки тех, кого немцы, и венгры, и полицаи расстреляли. Что каждый день мрут пленные. А еще поговаривают, что в лесах появились партизаны, которые убили нескольких венгров. Мадыяры взбесились и поубивали жителей близлежащей деревни, а ее саму сожгли. В городе много немецких и венгерских танков и пушек. А на окраине три аэродрома, с которых постоянно взлетают самолеты, чтобы бомбить большевиков.

Наших, — заметил я.

Наши — те, кто над нами начальник, горько вздохнула бабушка, а мать добавила, что ей все равно, кто победит, лишь бы поскорее эта война кончалась. Я почему-то опять заплакал, а сестренка стала меня пихать в бок и совать под нос свои игральные тряпочки.

Вовка вечером заявил, что я болван, надо копить золото и серебро, тогда при любой власти проживешь хорошо. Я у него спросил: откуда золото и серебро брать для накопления? Где такие залежи? Он серьезно выговорил, что надо искать клад или же копать в тех траншеях, где шли бои: у многих убитых есть ценности, да и некоторые вещи хорошо сохраняются и могут пригодиться в хозяйстве. Например, кожаные ремни и сумки, сапоги, награды. Я ему возразил, что это мародерство. А он закричал, что мертвым без разницы, зато живым польза. Я подозрительно спросил: а ты вообще жить хочешь? Он ответил, что это глупый вопрос, потому что любой человек, кроме идиотов, хочет жить. И не надо задумываться над этим, а просто жить и все.

Я подумал и понял, что я, оказывается, тоже хочу жить, только не знаю как.

10 сентября. Сухо. 22 градуса. Мать вчера с управы принесла повестку, что завтра мне надо идти в гимназию — учиться.

Мать и бабушка застеклили два разбитых еще с начала июля окна в доме и два на летней кухне стеклянными пол-литровыми банками, принесенными с разбомбленного консервного завода. Ставили ряд банок, сверху доска и опять банки, а щели промазали глиной, смешанной с соломой. В комнатах стало сумрачно, но мать заметила, зато будет теплее зимой. Я потом обратил внимание на улице, что во многих домах тоже так сделали.

13 сентября. Тепло. Безветренно. Температура 22 градуса. Позавчера начало учебы сорвалось. Не успели мы собраться возле гим-

назии, — это бывшее здание учительского института, — как пришли полицаи и погнали нас строем копать большие ямы на окраине города. Вовка прошептал по дороге: это для трупов пленных и венгерских евреев. Немцы боятся, что от них пойдет тиф или какая-нибудь другая заразная болезнь.

Так мы целый день и ковырялись в глине. Потом нас строем отвели назад и строго предупредили, чтобы завтра приходили на учебу.

Деваться было некуда, и мы пришли. На этот раз получилось почетному.

Нас построили во дворе четырехугольником. Директором оказался преподаватель учительского института Ключевской. Пришел поп из Александро-Невского храма, представители немецкого и венгерского командования, чиновники городской управы. Рядом с ними стояли учителя, человек двенадцать, все знакомые. И при советах они тоже были преподавателями, в институте, в школах.

Немец и венгр сказали речи. В том духе, что теперь учеба будет свободной от коммунистической идеологии, а ориентироваться станем на книгу фюрера и речи других немецких вождей. Учителя долго хлопали. Потом поп обошел нас с кадиллом, распевая при этом какие-то непонятные псалмы. Выступил директор, поблагодарил немецкие власти за открытие гимназий, оказывается, еще и женскую запустили одновременно с нами, и подчеркнул, что будем учиться, учиться делу рейха настоящим образом. Директору хлопали и кричали: Ура! — мы.

Совершенно внезапно для всех начал говорить поп. Про нравственность, что она теперь станет выше, про большевиков, которые являются врагами сущего на земле, о православии — единственно верном учении в России. Венгры и немцы тарасились на него, а директор то краснел, как бурак, то бледнел, как поганка. Смехота.

Потом нас тут же на площадке опросили, в какие классы мы ходили при советской власти, и распределили в соответствии с этим. Мы с Вовкой были вместе. И пошли учиться.

Первым уроком поставили закон божий. Наверное, это теперь вместо урока ленинско-сталинской теории будет. Так же скучно и нудно оказалось. Многие мальчишки спали. Я дремал, потому что боялся, вдруг поп увидит и начнет жаловаться, а директор объяснял, что кто будет плохо учиться, того отправят в Германию на работы. Потом был урок по книжке Гитлера «Моя борьба». Я так понял, он

боролся с большевиками. Дальше математика, русский язык, немецкий язык и география.

В классах вместо портретов Сталина повесили картины о Гитлере. Портретов фюрера не хватало. Математичка даже спросила подурочки: «Дети, у кого из вас есть портрет Адольфа Гитлера, пожалуйста, принесите». В гимнастическом зале на стенах трафаретом нарисовали орлов со свастикой и сценки из походной жизни немецких солдат и офицеров.

На географии показали интересную карту: Европа, почти вся Азия зарисована черным и серым цветом, учитель сказал, что эти территории завоеваны немецкими войсками и их союзниками. Много! А Вовка мне на ухо прошептал, что так и он может — хоть всю карту зарисовать любым цветом, ума большого не надо.

Домой еле-еле дошел. Вот не ожидал, что если внезапно сильно думать не о еде или о топливе, а о чем-то не здешнем, то можно так сильно устать. Почти как в Лапыгино. Вовка пренебрежительно буркнул, что половину из того, чему учили, надо не брать в голову — в жизни это не поможет. В настоящей жизни ценится хватка и реальная оценка происходящего, и чтоб в свою пользу дела решать. Раньше большевики утверждали, что все вокруг общенародное, а немцы землю раздают каждому — и занимайся, как умеешь. Да вон и бывшие хозяева понаехали — отбирают свое имущество назад, и правильно, он тоже хочет быть хозяином.

Я ему возразил: если вокруг одни хозяева, то кто на них работать станет? Вовка закричал аж: те дураки, которые не умеют быть хозяевами, или пленные и евреи. Я сказал, что пленные — это наши! Вовка обиделся и замолчал.

Дома бабушка меня покормила супом из остатков жареной курицы и помидор, и я сразу уснул.

15 сентября. Мелкий дождик шел целый день. Температура 20 градусов. Пахнет пылью и тошнотворным запахом горелого зерна. Небо заволочло клочковатыми фиолетово-серыми тучами. Они почти цеплялись за деревья и водонапорную башню. Мы радовались, потому что от такого неба не летают самолеты, ни немецкие, ни русские. Голова болела, а бабушка почти целый день пролежала на топчане — стонала. Сестренка тоже ходит в гимназию — женскую, но что там происходит, не говорит, хотя я несколько раз пытался с ней побеседовать. Молчит, только так серьезно исподлобья взглядывает и иногда

двигает глазами: то расширит, то сузит. Бабушка смотрела на нас и высказалась, что сестренка так — глазами — со мной общается.

Приходила с утра мать. Долго осматривала кухню и вслух размышляла, как ее утеплить перед зимой. Бабушка сердилась. Хорошо, что на кухне, как и в избе, есть печка, не пропадем. Мать так тоже, видимо, думала, потому что походила-походила, потом буркнула, что дыры надо в полу законопатить и дров напилить побольше, и станет хорошо. Бабушка возразила, а где взять дрова? Мать кивнула на меня: пусть после гимназии на берегу ходит вместе с дружкой и наберет коряг и деревьев упавших. Бабушка промолчала.

В гимназии, оказывается, есть библиотека. Ее устроили на первом этаже, в комнате под лестницей, но зато с большим окошком, так что книги видно при дневном свете и можно читать, когда выбираешь себе что-нибудь. А заведует ею бывшая городская библиотечарша. Хорошие книги. Она сказала, что покупали у горожан, поскольку городскую избу-читальню разбомбили при наступлении немцев. Дала мне Джека Лондона «Рассказы Южных морей».

А на занятиях мы пока учимся по советским учебникам, в которых учителя вымарали разные советские слова и вырезали рисунки о жизни в СССР. Еще есть тонкие с большим количеством фотографий брошюры о жизни Адольфа Гитлера. Нам их даже на дом дают рассматривать.

На законе божьем учились молиться. Смешно до колик. Поп ходит по рядам и бьет длинной линейкой, если считает, что недостаточно широко крестятся. Увидел, как Вовка крест кладет, аж заорал от бешенства — большевики, мол, правду из головы нашей выкурили, даже креститься не умеем — и треснул его по рукам со всей силы. Вовка не стерпел и крикнул ему, что, когда придут красные, он его в нквд сдаст. Поп посерел и вызвал директора. Юрий Иванович отозвал обоих в коридор и долго с ними разговаривал. Вовка потом со смешком сообщил, что Ключевской посоветовал им взаимно быть вежливыми, потому что обоих можно или в гестапо или в чека отправить, в зависимости от того, кто сейчас власть. И поп, и Вовка пообещали больше не ругаться. Но я считаю происшествие опасным, так как поп первый может венграм сказать, и Вовке не поздоровится, уж слишком быстро он забыл Лапыгино. Я ему об этом намекнул. А он надулся, как индюк, и вечером не пришел, а утром в гимназии долго не разговаривал.

17 сентября. Сухо. Температура 20 градусов. С деревьев свалилась листва, они стоят обглоданные и тонкие. Может, им тоже какого-то питания не хватает?

Люди стали готовиться к зиме: тащат отовсюду деревяшки, куски торфа и уголь. Мы вчера с Вовкой тоже ходили на речку. От воды несет тиной и чем-то сладковатым. Вовка говорит, это от трупов. Мы нашли целое дерево, вдвоем еле дотащили до двора. А потом пошли еще — теперь для Вовки искать. Нашли остатки забора, уже

и пилить их не надо, только порубить пополам и готовые дрова. Вовка был очень доволен, считает, что он везучий. Я, когда возвращался домой, залез в чужой сад и набрал подол рубахи и карманы яблок. Никто не видел.

Учимся каждый день. А после школы второй день гоняют на уборку двух главных улиц. Венгры запустили гидроэлектростанцию, которую взорвали красноармейцы при отступлении, и теперь по вечерам в управах и в комендатурах есть электричество. Говорят, что скоро на час будут его подавать и населению. Из восемнадцати водных колонок отремонтировали две, и теперь бабушка с сестрой ходят туда за водой. Там каждый день очередь, почему-то считается, что вода оттуда чище, чем брать из речки. Когда венграм или немцам, полицаям или другим военным надо воду — они берут без очереди. И при этом еще бьют людей и смеются.

19 сентября. Дождь. Температура 19 градусов. На улицах потоки грязи и большие лужи, во дворе болото. Бабушка не разрешает заходить на кухню в ботинках и заставляет разуваться на приступке. Просил у нее сапоги — не дала, сказала, зимой буду в них ходить, поскольку другой обуви зимней нет.

Продолжаем учиться. Предметы, за исключением нескольких, очень похожи на те, которые мы изучали в советской школе. Уже привыкли к закону божьему. Научились молиться. Теперь разучиваем наизусть молитвы к церковным праздникам. Поп нещадно ругается, хотя и лицо, как он говорит, духовное. А учителя, особенно те, кто знает немецкий язык, еще и подрабатывают на немцев и мадьяр, переводя с немецкого на русский разные указания и приказы.

Нас после учебы, или же снимая с уроков, гоняют на работы. Вчера чистили нужники немецкой и венгерской комендатур. Чтобы не воняло, завязал себе лицо рубашкой, все равно не холодно, когда работаешь. Полицаи подгоняли прикладами, один даже выстрелил в

воздух, чтобы торопились трудиться. Венгры ходили рядом и ржали, показывая на нас пальцами. Гады! Убивать их надо.

Ночью первый раз за три месяца прилетали самолеты с той стороны фронта и бросали на город бомбы. Немцы включили сирену и прожектора. Стреляли из зениток. А мы спрятались в окоп, оставшийся еще от большевиков. Распопов вместе с полицейским убежал в управу. Матушка сидела с нами, обнимала сестренку и, как мне показалось, удивленно бормотала: как же так, как же так, немцы же

уже на Волгу вышли, и вдруг нас бомбят большевики. А бабушка злорадствовала: так им и надо, фашистам!

22 сентября. Наконец-то закончился шедший два дня дождь. Температура 18 градусов, и ветер пронзительный и холодный. Дует в каждый момент по-другому, и никак к нему не привынешься, поворачиваешься спиной, а он вдруг в лицо и с такой силой, что перехватывает дыхание. Аж до слез. Я, оказывается, еще могу плакать, но я думаю — это от природных причин, а как человек: у меня эмоции закончились в Лапыгино. Бабушка меня спрашивала неоднократно о том месяце, но мне становилось страшно, и я никак не мог себя заставить рассказывать, начинал заикаться и краснел от натуги. И мое лицо ее пугало, и она прекращала расспросы.

Вчера, как только мы пришли в гимназию, нас построили и сказали, что идем в типографию разгружать бумагу. Типография осталась от красных. Да и почти все рабочие, кроме двух, которых расстреляли как евреев, остались прежние. Они уже старые, поэтому их ни в красную армию не забрали, ни в полицию, ни мобилизовали на сельскохозяйственные работы. Они рады. Это видно по физиономиям. У них хороший стабильный паек. И типографию охраняют полицаи круглосуточно. Правда, директор какой-то приезжий, из фольксдойче.

Вместе с типографией, на втором этаже, размещается редакция. Раньше при советах называлась «Путь Октября», в честь революции, а теперь «Новая жизнь». Корреспонденты новые. Вовка важно произнес: их из Курска к нам пригнали, а редактор прежний, что и при советах — Михаил Каширкин. В очках такой, низенький. Любит себя сволочью называть, и при этом как дурак смеется. Вовка про него заметил, что позвоночник гибкий, развитой. Я не понял, переспросил, а Вовка смеется: в любую сторону гнется: и за большевиков, и за фашистов, смотря чья власть.

Бумагу разгружали долго, никогда не думал, что она такая тяжелая. Полицаи были пьяные, поэтому гоняли нас и били. Попало и учителям, которые с нами пришли и тоже работали. Преподаватель немецкого, когда его треснули прикладом, так разозлился, что заорал на полицаю по-немецки. Я так понял, кричал: русская свинья и что-то про дурную голову. Полицай струхнул, стал оправдываться, вытянулся в струнку и пытался руки приложить к козырьку фуражки. Прибежал старший, тоже выпивши, и с перепугу отпустил учителя домой. Проводил до ворот, а по дороге просил, чтобы он ничего не говорил немцам. Потом вернулся и заехал кулаком провинившемуся в нос — разбил до крови. А мы с Вовкой потешались, по-тихому!

Вернулись в гимназию ночью. Не отпускали, пока не разгрузили все рулоны. Хорошо, хоть обратно вели строем и под охраной, а то бы патрули арестовали и посадили в кутузку, могут и расстрелять на месте. Ночевали в классах, кто на партах, кто на полу. Утром разбудили — и начались уроки.

После обеда отпустили домой пораньше. Возле калитки встретила бабушка и сестренка. Бабушка заплакала и полезла обниматься. Сестра взяла за руку. Вечером зашла мать и сказала, что очень беспокоились, когда не пришел вечером. Думали, что угнали в Германию или что случилось. Я рассказал, что было, в том числе и про Каширкина. Мама помолчала и раздумчиво произнесла, что при любой власти нужны умелые люди, чтоб могли выразить мысли и настроения руководителей. Вот, например, Распопов. Три класса церковно-приходской, а стал председателем колхоза при большевиках, а сейчас начальник районной управы. Надо так суметь, а получилось, значит, и мыслить может. И пусть многие думы высказать не умеет, слова и речи ему придумают те, кто учился этому. И такой союз при любой власти будет продуктивным, на благо Родины.

Бабушка ехидно спросила: какой? А это не важно, — ответила мать, — при любом раскладе мы местные, уезжать отсюда не собираемся, значит, Родина. А людьми надо командовать, иначе будет хаос. И пусть кто-то умрет при этом, зато другие будут лучше жить. И не стала больше слушать бабушку — ушла. Бабушка долго плакала, а сестра и ее держала за руку и гладила по щеке.

24 сентября. Сухо. Ветер. Температура 18 градусов. Вечером копали картошку. В газете опубликовали приказ майора Гауха: чтобы на-

селение сдало с каждого двора по три мешка в немецкую комендатуру. Оставшееся разрешил употреблять в пищу населению. Выкопали четыре мешка. Бабушка нашла маленькие мешки, и у нас получилось пять. На следующий день утром приезжала подвода с полиция-ми. Мы загрузили три мешка, старший подозрительно посмотрел, но вышел Распопов и приказал ехать дальше. Подвода уехала, а он меня треснул по голове и прохрипел, что за такие шуточки можно и под пулю угодить.

26 сентября. Со станции с духовым оркестром проводили в Германию на работу первый эшелон молодежи. Майор Гаух сказал речь,

Распопов и другие чиновники из управ выдали уезжающим небольшие подарки: консервы, табак, платочки, святые книги и русско-немецкие разговорники. Провожающие женщины рыдали, а вокруг вагонов стояла цепь автоматчиков.

27 сентября. Сухо. Температура 18 градусов. Каждый день выходит солнышко. Уже не греет, блеклое такое, серенькое. Но хорошо, что выглядывает, мне с ним приятнее, кажется, что жизнь будет продолжаться долго-долго, что война скоро кончится, на улицах не будет ни солдат, ни виселиц, ни мусора. Люди повеселеют и пойдут, никто не станет драться за воду, хлеб, и работать не будут принуждать, а каждый начнет трудиться только себе в радость. Вовка долго смеялся, когда я ему это пересказал. Считает меня каким-то оптимистом и чокнутым. Я ему прочитал Лондона про жажду жизни, а он пренебрежительно буркнул: так это в Америке. В России по-другому, наоборот. Я не понимаю, как это может быть.

Три вечера ходили ловить раков и рыбу. Рыбка попадалась маленькая, а вот раки здоровые. Вовка утверждает, нажрались трупов. Мы три дня раков ели — хорошо, бабушка сказала, как в ресторане, только я не знаю, что это такое... А рыбу засушили, правда, без соли, на зиму.

29 сентября. Дождик нудный. Температура 17 градусов. В гимназии состоялось общее построение. Директор сказал, что с октября начинается агитация и пропаганда двух кандидатов, и коллектив гимназии примет в этом самое непосредственное участие. Учащиеся и преподаватели разделятся на две равные группы и будут помогать кандидатам. Это наш долг перед властями.

Глава 3

3 октября. Дождик мелкий. 17 градусов, солнца нет. Вчера, наконец-то, состоялся парад, о котором немцы и венгры твердили с самого начала захвата города. Для майора Гауха и венгерского коменданта полковника Дюрчяня построили специальную трибуну посередине улицы Гитлера. Там же, на ступеньку пониже, стали заслуженные немецкие и венгерские офицеры и солдаты, которые участвовали в атаках на город, еще ниже разместились начальники управ и полицейских формирований. Позади трибуны стояла виселица и флагшток с тремя флагами: фашистским, венгерским и итальянским.

Горожан, нас тоже, как и женскую гимназию, к восьми часам утра согнали в начало улицы и под присмотром полицейских построили в колонны. Начальники колонн раздали впереди идущим несколько разноцветных шариков со свастикой, флаги немецкие и венгерские, портреты фюрера, итальянского дуче и какого-то фашистского генерала в очках. На каждую колонну, под роспись, немцы дали по два транспаранта с надписями на немецком языке. Вовка перевел: что-то вроде да здравствует Адольф Гитлер; ура доблестным немецким войскам!

Улица была украшена немецкими, венгерскими, итальянскими флагами. Висели еще какие-то трехцветные полотнища; поп, который тоже был с нами — ходил, размахивал вонючим кадиллом, — утверждает, что это национальный флаг России. Царской, — шепотом добавил Вовка. В трех местах висели огромные черные репродукторы, из которых раздавались марши и песни на немецком языке.

Впереди каждой колонны встали директора и прочие начальники предприятий, и мы пошли. А по бокам, вне общего строя, топали полицейские. Наш директор постоянно оглядывался и кричал, чтобы мы шли ровнее и не позорили его. Над нами низко летали самолеты и разбрасывали листовки на русском языке. Вовка одну подобрал. Там написано, что непобедимые немецкие войска и их доблестные союзники вышли к Сталинграду, захватили Кавказ и вот-вот уничтожат Ленинград, и после будет мир и спокойствие.

Когда проходили мимо трибуны, директор скомандовал: равнение направо, и взял под козырек. Немцы стояли на ней и смеялись, показывая на нас пальцами. Вовка еще разглядел, что там поднос

был большой и блестящий с бокалами и закуской. В общем, развлекаются, гады.

Мы промаршировали до парка Пионеров, на нижней площади. До войны это было отличное место. Каждое воскресенье играл оркестр, танцевали красивые девушки в нарядных платьях, кружилась карусель, и мелодично позвякивали цепочки качелей. Работал летний кинотеатр. Мы с Вовкой смотрели «Чапаева», документальную хронику о покорении Севера, о наших летчиках, перелетевших к американцам и обратно. Каждую весну цвела сирень. Ее густые заросли как бы обнимали площадку, и запах от синевато-белых цветов разливался над окраинами. Сейчас всего этого нет, даже вспоминается о том, что было, с трудом. Теперь вместо парка грязно-желтая равнина с не поддавшимися корчеванию пеньками крупных деревьев, уродливые холмы могил, — власти разместили здесь немецко-венгерское кладбище, — и почти четырехугольные кресты с венками и рогатыми касками. Ограды нет, но постоянно ходят патрули полицаев.

Потом от нижней площади колонны вернули к трибуне. Мы прослушали по репродуктору свежее выступление Гитлера. Я ничего не понял, голос был лающий и резкий, а немцы буквально впали в эйфорию: орали в такт лающим словам, махали руками и фуражками. После речь толкнул Гаух, а наш учитель немецкого языка, стоя внизу трибуны, переводил, что общая победа рейха близка. В конце торжества вывели избитого мужчину. Вовка сказал, что это Луур, директор строительной конторы.

Венгерский комендант, указывая на него рукой в лайковой перчатке, на ломаном русском закричал, что он не подчинился властям и не стал создавать колонны для торжественного марша в честь великой Германии и Венгрии. Поэтому его сейчас повесят.

Двое полицейских под командованием Распопова схватили Луура и потащили к виселице. Поставили на табурет и накинули петлю. Тут сбоку выскочил Каширкин с фотоаппаратом на треноге и попросил подождать, пока он не сфотографирует в газету. Распопов присосанился, полицаи вытянулись, а немцы и венгры сделали Хайль Гитлер! Каширкин их раза четыре с разных точек сфотографировал, а потом отошел в сторонку. И полицаи сразу выдернули табуретку из-под ног несчастного.

Народ даже не охнул. А Гаух сказал, что сегодня в честь праздника выходной день для всех. Бабушка и Вовка были рады выходному.

Вовка потому, что не надо идти учиться, а бабушка полагала, что не уходя из дома, я буду больше под ее присмотром.

А я думал, почему у меня настроение не изменилось. Когда я видел, как вешали директора строительной конторы, мне не было его жалко, и я не боялся. Я ничего не почувствовал: ни горя, ни радости. Какое-то бесчувствие. Эта смерть и виселица абсолютно не совпадали с тем, что было в Лапыгино, когда смерть ходила рядом со мной. Там страх жил вместе со мной, внутри меня, а здесь, как в кино, которое показывали до войны в доме пионеров, только происходило неинтересно, обыденно, скучно.

И никто из окружающих не понимал вопроса, когда я спрашивал: а вам Луура не жалко? Вовка ответил, что это война, на которой каждый день убивают. Бабушка перекрестилась и прошептала, что, слава богу, никого из нас это не затронуло. У матери я не спрашивал, она сама заговорила на эту тему. Рассказала, как в 1939 году большевики арестовали в городе две сотни бывших дворян, священников, бывших членов «Союза русского народа», кадетов, меньшевиков и угнали их в Сибирь. Никого из арестованных с тех пор не видели, только бабки сказывали, что многие и не доехали до Сибири, расстреляли их в Валуйках. Я не понял, к чему она это. А бабушка заметила, что паны дерутся, а у холопов чубы летят.

Да, а приз получила колонна механического завода. Гаух вручил директору жестяной кубок, похожий на самовар, на крышке растопырился немецкий автоматчик. Говорят, внутри кубка была водка. Еще наградили черным с красным вымпелом с золотым профилем фюрера. Директор и трудовой коллектив завода радовались, как дети. Я такую радость только однажды видел — когда нашему первому секретарю райкома ВКП(б) за успехи района в сельском хозяйстве вручали переходящее красное знамя обкома партии. Секретарь, помню, даже рыдал от счастья и постоянно целовал тяжелую ткань.

5 октября. Сухо, пыль, 17 градусов. Из-за реки доносится стрельба. Сегодня первый раз днем прилетали красные бомбардировщики и бомбили железнодорожную станцию. Немцы выпустили несколько истребителей с аэродромов на окраинах, и они сбили два наших самолета. Говорят, что летчиков взяли в плен.

7 октября. Проливной дождь. 15 градусов. С огорода мы убрали морковь, свеклу, подсолнухи. Сложили в подвале. Бабушка надеется, что зиму переживем нормально.

С тех пор как нас разделили по кандидатам, в гимназии началась кутерьма. Организованы штабы, появились начальники штабов и секретари. Разделены обязанности, связные носят записки между штабами и кандидатами. В гимназию даже протянули два дополнительных телефона. На одном постоянно сидит завучиха Елена Ивановна и разговаривает...

— Алло, это штаб на улице Гитлера? Вас беспокоят из штаба в гимназии. Пригласите Василия Макаровича.

— Почему вы не будете отвечать? Я своя. Давайте я докажу, перечислю, где располагаются наши штабы. На улице Хорти — его там нет? Ага... На улице жандармерии? Ага... А в штабе на улице рейхсфюрера Гимлера? Ну, вот видите, я же вам говорила, что мы свои...

Мы пишем листовки, рисуем плакаты. Сначала на черновике, потом приходит Каширкин, или еще кто из редакции, и корректируют как в нашем штабе, так и в противоположном. Им совершенно безразлично, кому помогать. А вот Распопов, такое ощущение, что всерьез загорелся этой игрой, и психует до невероятности. Кричит, что должен победить любой ценой, что он лучший начальник районной управы в области. А значит, достоин быть начальником городской! Пообещал, что лучший писатель листовок и рисовальщик получат от него лично три мешка муки и пуд соли, если он победит.

Занятия заброшены. Вовка говорит, что это к лучшему. Я так не думаю и продолжаю потихоньку ходить в библиотеку, брать книжки. Недавно прочитал «Бегущую по волнам», классная вещь, морская.

10 октября. Резко похолодало. Температура упала до пяти градусов, и дует сильный ветер. Я надел ватник и кирзачи, принесенные еще из Лапыгино, где снял их с расстрелянного. Сначала беспокоился, что они мне напомнят о трупах. Потом ничего — равнодушно перенес, даже и никто не снился. Это, наверное, от бесчувствия. К тому же, я сапоги тщательно вычистил, а ватник выстирал и высушил. Меня за хозяйственность мать похвалила, хотя сама меня за пояс заткнет, ведь она эти вещи припрятала, дала мне принесенное из управы, а я о них и забыл. Но холодно стало — и вспомнили оба.

Наблюдаю, что даже бабушка перестала явственно проявлять чувства. Ничего не говорит о матери, о полицах. Спокойно слушает рассказы соседки о повешенных и расстрелянных. Она как замерзла, и неизвестно, когда отогреется. Единственное, что ее беспокоит — это наличие еды и надвигающаяся зима.

На мое удивление, сестренка вчера сказала первое слово за три месяца: дай! Но бабушка и матушка этому тоже не изумились. Вовка говорит, что такое состояние называется — стабильность. Я спросил, откуда он такое слово ученое знает? Он подумал и сообщил, что его на дню по пять раз мать говорит, и всегда смеется, как только его скажет. Я записал отдельно это слово в тетради, чтоб не забыть, и долго думал над тем, что оно означает. Если взрослые радуются тому, что над нами немцы, стало быть это хорошо. Стабильность? Когда были красные — тоже, наверное, была стабильность? Спросил у Вовки. Он поморщился, заявил, что плохо в этом разбирается, но, по его мнению, стабильность — когда много еды и ничего не делаешь.

А то, что впахивали в Лапыгино и могут забрать в Германию?

Ты снова говоришь крайности, — поморщился друг, — ты же выжил в Лапыгино! А в Германию еще тебя не погнали — значит, стабильность.

12 октября. Холодно. Температура пять градусов. Порывами дождь. Из гимназии после уроков начали отряжать под конвоем на берег Оскола. Роем траншеи, землянки и глубокие ямы под пушки и пулеметы. Венгерские евреи таскают из ближайшего леса бревна и закрывают ими огневые точки.

Перед войной большевики сломали шесть церквей на главной улице города, кирпичами замостили улицы, железо с крыш переставили на тюрьму. Разрушали с помощью взрывчатки, которую брали у треста «КМА-строй», копавшего шахты для добычи железной руды. Но, несмотря на взрывы, фундаменты у храмов сохранились крепкими. Теперь на них немцы установили орудия и рядом наделали блиндажей. Получились хорошо укрепленные огневые точки, да еще подходы к батареям перекрыли минными полями.

Пошли слухи, что немцы остановились под Сталинградом и никак не могут захватить город. Немецкие офицеры много пьют, а полицаи стали жаловаться на плохое денежное довольствие и продовольственный паек. Но матушка по-прежнему приносит из управы продукты: вареную свеклу, селедку, пшено.

Установился распорядок по утрам нас гонять в храм Александро-Невского на молитву. Стоим, якобы молимся. Смотрю на иконы и думаю, что они похожи на московских начальников. Мы их никогда не видим, и они нас не знают. Поэтому не можем друг другу помочь. Потом опомнился, что значит помочь? Они же высоко, наверное,

сами себе помогают, да и ангелов-адъютантов у них навалом. Сказал об этом Вовке. Тот как засмеется во весь голос — и тут же схлопнулся по затылку от служки. Обиделся на меня, выходили из храма, буркнул, чтобы я свои мысли безопасными для окружающих делал, иначе он меня тоже треснет.

14 октября. Зябко. Температура между пятью и четырьмя градусами. Я градусник и дневник тщательно прячу. Сначала в жестяную коробку из-под дореволюционного монпансье, она была отцовская. Когда мать выкидывала напоминающие доокупационное время вещи, я ее и подобрал. Коробку закладываю за доску в стене, напротив моей подушки для сна. Я там расчистил пространство. Стараюсь доставать ее и писать заметки так, чтобы никто не видел. Наивно, конечно, я понимаю, но секретность скрашивает время, мне кажется, что я прячу от пиратов сокровище. Надо немножко потерпеть, хорошенько маскироваться, и, в конце концов, победа будет за нами!

Бабушка как-то спросила, что это я так часто с бумажками и термометром вожусь — еще разобью, и ртуть прольется, отравимся. Я правду ответил: отец вел погодный дневник, чтобы точно рассчитать, когда картошку сажать, овощи, деревья подрезать. Он даже книжку купил «Краткий курс метеорологии», чтобы процесс по-научному шел. Она у него любимая — с собой на войну взял, вместе с нашими фотографиями и мамиными.

Я хочу, чтобы погодные наблюдения за время отсутствия у него имелись. И мы снова вместе посадим картошку, огурцы, помидоры — ведь если отец вернется, уже не будет войны. И может быть, как он мечтал, мы заведем пчел.

Бабушка длительно, в три приема вздохнула, готовясь что-то сказать, но я не дал. Торопливо прокричал: а еще в гимназии на географии нас заставляют делать погодные таблицы и зарисовывать в них синим и красным карандашами клеточки, — в какой день холодно и ветрено, а в какой жарко и солнечно. Но бабушка все-таки выдохнула: как бы не увидел кто, еще подумают нехорошее. Не поздоровится всем. Я слезно пообещал быть осторожнее.

Вечером в Германию ушел еще один поезд из десяти товарных вагонов. Ребята и девчонки поехали на уборку картофеля. Обещают заплатить и познакомить с Европой. Нас в гимназии тоже агитировали Распопов и преподаватели, но мать твердо сказала, чтобы я не лез!

17 октября. Мокрень ужасная. Температура четыре градуса тепла. Бабушка считает, что скоро пойдет снег. Сестренка вчера сказала второе слово: хочу. Что называется, в час по чайной ложке. Как ее только в гимназии терпят? Бабушка сказала, что им в гимназии все равно, лишь бы ходила для отчетности перед властями.

Деревья в саду стоят голые и мокрые, от них парит, одна рябина на ощупь горячая и усеяна ягодами. Я попытался их есть, горько, аж скулы воротит, но Вовка настаивает, что от цинги рябина лучшее средство, и надо хотя бы по одной яголке в день кушать. Поинтересовался мнением бабушки — она подтвердила.

Мать два дня не приходила домой ночевать. Сегодня заявила, рассказала, что гоняют по вечерам вместе с полицией по домам — разносить листовки и плакаты с кандидатами. Зато дают горячий чай с сахаром, и она достала два кусочка для меня и сестры. Я отказался, сестра сразу слопала оба. Мать внезапно обиделась, закричала, что она все в дом и в дом, а ее тут никто не понимает. Бабушка злорадно заметила, что немцы остановились возле Сталинграда. Матушка заплакала, но бабушка ее не утешала, наоборот, как мне показалось, удовлетворенно поджала губы.

На ночь попытался почитать любимого Лондона, но бабушка заругалась и задула лампу.

19 октября. Температура четыре градуса. Вчера день как-то светился изнутри, хотя солнце и не показывалось явно, и снова со стороны Воронежа прилетели красные бомбардировщики. На этот раз их сопровождали истребители, и когда немцы тоже подняли мессершмиты, то они сцепились на малой высоте. наших ястребков было меньше вдвое. Маленькие и юркие, они стремились отогнать фашистов от тяжелых бомбовозов, а те упорно заходили на железнодорожную станцию. Люди повыскакивали из домов и смотрели в небо. Бой длился минут пятнадцать. Мессеры сбили два бомбардировщика и одного истребителя, а наши четырех фашистов. Кто-то закричал: Ура! — и полицаи сразу бросились на голос, начали стрелять в воздух.

Ночью красные штурмовики атаковали немецкие аэродромы. Вовка сказал, что им с земли подали знак, выстрелив ракетой.

21 октября. Дождь со снегом. Температура ноль градусов. Вчера полным составом обе гимназии гоняли на расчистку аэродрома. Налетом разбило три самолета, две машины и несколько землянок.

Алюминиевые обломки мы грузили на подводы и возили на станцию: а там перегружали в товарные вагоны. Выкопали новые капониры и долго ровняли взлетно-посадочную полосу, трамбовали ее бревнами. Учителя работали с нами, сопровождали и охраняли полицаи. Бедняжки, замерзли и настроение плохое: ругались и дрались постоянно, скорее всего, в отместку за страх перед красными.

Когда обратно шли, спросил у Вовки: фашисты — люди? Тот сначала оторопел, поразмышлял и сказал, что нет. А полицаи? Тот так задумался, что мне показалось, пар пошел из-под малахая. Но ответил, что тоже нет. Нас услышал директор, повернулся, тело скособоилось, лицо перекривилось, шепотом спросил у меня: а большевики, которые арестовывали священников и дворян, расстреливали их — люди? Я никогда не видел таким злым и уродливым директора. Вовка мялся-мялся, потом буркнул, что красные — люди, потому что наши. Что, — поинтересовался директор, — ты из полицаев никого не знаешь? Вон тот — разве не твой сосед? Он не наш?

Получается: все наши, кроме фашистов, люди.

Немцы тоже человеки, вздохнул директор и резко ушел вперед. Что-то неправильное есть в этом разговоре, противное, с чем-то я не согласен. Надо только определиться, с чем.

23 октября. Неожиданно потеплело, пять градусов тепла. По улицам потекла грязная вода, на крышах образовались и поплыли сосульки. В воздухе стоит гнилой запах. Наверное, от открытых выгребных ям, а может, и могилы какие-то расползлись.

В гимназии заставляют мыть руки, но мыла не дают. Бани работают лишь для полицаев, а немцы и венгры моются в своих походных. В госпитале для раненых красных командиров начался тиф. Там сменилась охрана: место венгров заняли полицаи и азиаты. Передачи от населения перестали принимать совсем. Бабушка сказала, что по своей чистоплотности немцы уничтожат этот госпиталь.

В актовом зале прошло предвыборное собрание Распопова. Он хвастался успехами: вкладывает деньги в народное образование, устраивает бесплатные кухни, повышает качество жизни. Пообещал, если его выберут главой городской управы, повысит благосостояние населения намного выше, чем при большевиках. В конце прослезился: когда я вижу ваши добрые глаза — мне хочется работать еще больше! Мы дружно, чтобы побыстрее отпустили, хлопнули. Сегодня в газете появился отчет об этом мероприятии, озагла-

ленный «Это не дилемма. Это сознательный выбор горожан», мол, Василия Макаровича единогласно попросили стать главой. Теперь дело за немецко-венгерскими властями, которые должны уважить волю и просьбу людей.

С удовольствием читаю «Бремя белого человека».

25 октября. По-прежнему тепло, четыре градуса. Ветра нет, какая-то духота и спертость воздуха. Как перед грозой. Может быть, это бабье лето? Спросил у бабушки, она ответила, что любое лето уже закончилось. А эта теплынь дана нам в наказание, чтобы перемерли от тифа и чумы.

Матушка пришла рано с управы, сказала, что если мы не хотим заболеть, то надо мыться, и заставила нас с сестрой натаскать воду в чан старой бани, которой мы с начала войны пользовались один раз, после моего возвращения из Лапыгино. Мы ходили к реке с ведрами раз шесть. Потом вместе прошлись с мокрыми тряпками по полам, потолку и стенам, накипятили воду, и мать помыла сестру и бабушку. Я отказался от ее помощи — уже взрослый — и с удовольствием побанился сам. Даже был маленький кусочек хозяйственного мыла и старая довоенная мочалка. Вши отсутствовали, а вот блох хватало. Это, наверное, из-за старых тюфяков и ватников, на которых мы спим. Сказал матери об этом, и она перетаскала наши постели в баню, кое-что легкое постирала, а большие и тяжелые вещи развесила над чаном и пропарила. Бабушка ворчала, но, кажется, была довольна.

Вечером мы долго сидели за общим столом, благо Распопов отсутствовал, и мать разрешила зайти в избу, и наслаждались совместным чаепитием: горячий кипяток с морковкой и свеклой. Пили из консервных банок, один уцелевший стакан мать берегла для Василия Макаровича.

Происходящее очень напоминало мирные времена, пахло табаком, и казалось, что скоро с работы придет отец. Я чувствовал легкость в теле и почему-то жуткую тоску по довоенным несбывшимся мечтам, по легкости незнания того, что я знаю сейчас.

Спать мы пошли к себе в летнюю кухню, а мать осталась в доме. Постель была слегка волглой, но живность отсутствовала, и уснул спокойно и быстро.

27 октября. Пять градусов. Появлялось на несколько часов солнце. Мы с сестренкой вышли во двор и долго стояли и смотрели на него.

Лучи согревали лицо, а если зажмуриться — где-то там, в глубине глаз, мелькала радуга. Сестренка сказала новое слово: тепло. Бабушка не стала выходить, хотя я ее и очень просил. Она в последнее время тяжело ходит и больше молчит. Похудела. Я пытаюсь кормить ее получше, но она отдает свои куски сестре, та не отказывается, ест, что дают, и даже где-то находит еще ломти. Мне кажется, она специально притворяется дурочкой, чтобы никто не трогал и больше кормили.

Ходили с Вовкой на рыбалку. Успели наловить на уху, появились немцы и прогнали. Везде строят укрепления. Вчера на станции разгрузилось несколько эшелонов с артиллерией и зенитками. Наверное, установят вдоль реки и на высотах.

29 октября. Ноль градусов, резкий, северный ветер. Холодно. Вчера с сестрой таскали вечером воду, а ближе к ночи Распопов тоже ходил в нашу баню. После неожиданно пришел к нам с бутылкой самогона, — мать следом, бледная и растрепанная, притащила закуски: огурцов, сала, хлеба, — начал в нашей тесноте пить и разговаривать почему-то исключительно с бабушкой. Она его раздражает, мне кажется, он ее и боится, и ненавидит одновременно. Мы забились в угол, и я внимательно слушал, а сестра скоро уснула под своей шубой.

Что такое партия? — спросил бабушку Распопов, разглядывая ее в упор пьяными глазами, не дождался ответа и сам продолжил вещать. — Партия это не только наш рулевой, даже наоборот, рулевыми являются лишь несколько главных людей партии. Партия — это единство громадных масс, и самые главные, проводя свою волю, тоже к ним прислушиваются! И я могу быть уверенным, что они меня поддержат в любом начинании, если только оно не будет противоречить целям массового движения. Цели в разное время могут устанавливаться разными, главная — власть! Ради власти однопартийцы обязаны выполнить любой приказ высших партийных людей. Я — состою в партии — чувствую рядом с собой огромную силу и пользуюсь ею в меру своих способностей, как впрочем, и любой мой партийный товарищ. Это не суть, что интересы у нас разные, надо лишь совпадать с главной линией, и тогда тебя поймут и поддержат в любом устремлении.

Даже в преступном, — не выдержала бабушка.

Что ты понимаешь в преступлениях, — поморщился Василий Макарович, — опять же власть определяет, что является престу-

плением, через свои разномастные законы и кодексы, и она же и карает за несоблюдение их тех, кого хочет наказать. Но не тех, кого положено.

А религия? — спросила бабушка. Мать сидела не вмешиваясь, лицо у нее было белым и напряженным.

Да, партия согнула их в бараний рог в тридцать седьмом, — усмехнулся пьяно Распопов, — сейчас церковников немцы потихоньку разгибают в зависимости от собственных интересов. И что? Церковь всегда шла рука об руку с властью. И при царе, да и при большевиках. Священники тоже люди и хотят жить хорошо, уповая на то, как и все мы, что где-нибудь там, на небесах, их поймут и простят.

Он хрипло засмеялся: или не поймут и не простят, но это случится потом, и никто этого не узнает. Никто еще назад не возвращался и не сообщал, каково там. А на нет — и ответственности нет, делай, что хочешь, когда чувствуешь мясо и водку, дышишь. В земле ничего не будет, кроме смерти.

А ты о какой партии говоришь, — вдруг вкрадчиво поинтересовалась бабушка. Мать при этих словах дернулась, схватила стакан с самогоном и, лязгая зубами о край стакана, выпила.

Не имеет значения, — погрозил пальцем Распопов, — не лови меня, не советую. Это просто так называется — партия, а может называться — церковь, держава, государство, империя, родина. Да даже и семья. Суть остается прежней: за короткое время, отпущенное человеку, достичь максимума власти и сопутствующих ей возможностей! И за ценой еще никто не стоял.

А зачем же ты, такой уверенный в своей партии, пришел к нам и разглагольствуешь тут, — злобно съехидничала бабушка, — чего тебе не хватает в твоей уверенности? Мать, сцепив зубы, нервно поворачивала, почти передергивала, голову то в сторону сожителя, то в сторону бабушки, сжав руки на столешнице.

Да я хочу убедиться, — ощерился Распопов, — что еще есть живые среди тех, кто с нами не согласен. Вижу, ты как-то сумела проскочить в тридцать седьмом году мимо карающего меча революции, да и твой внучок тоже, — он неожиданно развернулся в мою сторону и бросил в меня пустой стакан. Промахнулся, стакан разбился о стену и его осколки поцарапали мне щеку до крови. Я быстро укрылся ватником и услышал, как мать стала уговаривать Васю пойти отдыхать. Распопов послушался и, поддерживаемый матерью под руку, ушел.

Я сказал бабушке: давай на него напишем в немецкую комендатуру, что он коммунист — и они его расстреляют.

Она долго молчала, потом ответила нехотя: да они, наверное, знают, что он красный. И это их устраивает, сейчас же он целиком и полностью выполняет немецкие приказы. С той же, что и при большевиках, ревностью и усердием. Фашистам наплевать, кем он был раньше, главное, что он делает при них. Так что за донос расстреляют в первую очередь доносчиков.

Глава 4

1 ноября. Два градуса мороза, ветер. Холодно очень. Тучи низкие и черные. Наверное, скоро пойдет снег. Бабушка радуется морозу, говорит, болезни заразные останутся, может быть, выживем до весны.

Ходили в выходные все вместе на базар. Мать несла с собой много немецких марок, талоны на хлеб и несколько серебряных ложек. Людей много толклось, странно оживленные — словно воспаленные, бойко торговались, как в мирное время. Хотя покупали и продавали единицы. Венгерские и полицейские патрули отбирали себе вещи и деньги, которые успевали увидеть. Немец — офицер ходил и присматривался к самоварам и иконам. Мы сменяли ложки на десяток яиц, а талоны — на валенки для сестры. Марки не брали.

Рядом с базаром — две виселицы. Одна была свободной, а на другой болтался на ветру человек с доской на груди: Партизан. Бабушка сказала, что знала его — работал на электростанции начальником смены. Часовых под виселицей не было. Люди равнодушно проходили мимо, отворачиваясь и зажимая носы.

После базара мать с бабушкой раскатали тесто и пекли оставшийся день и вечер хлеб. Горячая горбушка очень вкусная! Но я и сестра получили только по горбушке. Остальной хлеб бабушка унесла в погреб, я так понял, спрятала, и он сохнет на сухари. Одно сырое яйцо мать заставила выпить сестру.

Приходил Вовка, и мы долго лазили по чужим огородам и берегу реки. Из еды ничего не нашли, а в бывших красноармейских окопах наткнулись на гору угля, смешанного с кусками смерзшейся земли. По-братски поделили и перетаскали по хатам. Последние мешки

впритык к комендантскому часу. Мать очень обрадовалась, даже погладила меня по голове.

5 ноября. Пять градусов мороза. Ветер, редкий снежок, мгновенно тающий на лету и у самой земли превращающийся в воду. Ноги скользят от грязи и, наверное, от усталости. Руки поднять не могу, живот внизу раскаленный и болит тянущейся болью. На занятия не пошел, хотя, скорее всего, схлопочу за это от матери. Немцам почему-то важно, чтобы учащиеся ходили в учебные заведения.

Позавчера пришли в гимназию, там уже стояли полицаи: строили и выдавали лопаты и ломы. Самый главный рывкнул, что, если кто-то не принесет назад инвентарь, того сразу расстреляют. Построили

в колонну вместе с преподавателями и директором, уборщицами и сторожами, появились еще фашисты с овчарками и погнали нас на другую сторону реки, ближе к Воронежу. Копать противотанковый ров. Девчонки из женской гимназии тоже были здесь: в ватниках и платках на голове и лице, в завязку, видны только глаза и рот, похожие на нас, только послабее.

Мы долбили землю и грузили в мешки, а они по двое вытаскивали их наружу и обкладывали доты и дзоты на борту рва. Домой не отпустили. Ночью спали, где кто упал. Вовка оказался где-то в другой стороне, поэтому мне было еще более мутно. На следующий день работа повторилась, только шел снег, и полусонные полицаи бродили по рядам и били прикладами, чтобы мы быстрее шевелились. К ночи вырыли огромный и длинный ров, а на борту обустроили траншеи с огневыми точками так, чтобы можно стоять в полный рост. Ночь брели под конвоем обратно в гимназию, утром во дворе полицаи собрали лопаты, некоторых ребят сильно отлупили за сломанные черенки и согнутые лезвия, и наконец-то распустили по хатам.

Я еле-еле дошел. Бабушка увидела — разохалась, сказала, что мать бегала в гимназию узнавать обо мне, но там никого не было. Распопов на расспросы ничего не ответил. Покормила, и я отключился. Помню только, что среди ночи чьи-то теплые руки гладили лицо и волосы.

8 ноября. Десять градусов мороза. Метель с заледеневшими снежинками, скользко на дороге. Немецкая машина с пушкой врезалась в соседний дом, разворотила угол, выскочила соседка, начала водителя крыть матом, а он вынул пистолет и пристрелил ее. Потом

приехал выбеленный известкой танк — зацепил машину и потащил к центру города.

Во дворе гимназии, в уборной, кто-то повесил листовку с крупным лозунгом: Да здравствует Великая Октябрьская революция! Смерть фашистам! Красная армия победит! Многие испугались, я тоже, и перестали ходить в уборную. Директор снял листовку и отнес в комендатуру. Приходил немец с Распоповым и двумя полицаями, кое-кого вызывали на допросы. Потом арестовали двух мальчишек из параллельного класса и увели с собой.

Вовка авторитетно сказал, что теперь им загонят иголки в ногти, и они обо всем расскажут. Я у него спросил, а он выдержал бы иголки? Вовка хвастливо заявил, что выдержит любые пытки. А я подумал и сказал, что ужасно боюсь боли, и сразу, еще до пыток, расколюсь, поэтому мне не надо доверять никаких тайн.

Ночью прилетали красные бомбардировщики и кидали бомбы на укрепление и железнодорожную станцию. Там загорелись цистерны с бензином, и дым пошел на город, вонь кошмарная, дышать нечем. Утром оказалось, что самолеты бросали не только бомбы, но и листовки. Полицаи бегали — собирали. Я не читал. Вовка сказал, написано о том, что красная армия бьет фашистов и надо идти в партизаны, чтобы помогать освободить родину от захватчиков.

9 ноября. Девять градусов мороза. Ветер. Снежок примерз к земле, стало менее слякотно. Ем каждый день рябину. Мороженые, горько-сладковатые ягоды, но бабушка радуется, что у нас в огороде стоит аж два дерева. Поглядывая на соседские огороды, приговаривает: если увижу, что берут чужие, сразу же оборвем ягоды и унесем в погреб.

Днем возле речки раздался взрыв, а потом началась автоматная и ружейная стрельба. Вовка прибежал под вечер радостный и сообщил, что на mine взорвалась венгерская легковая машина с двумя офицерами. Бабушка мрачно заметила, что теперь человек двадцать горожан расстреляют и хорошо, что это произошло далеко от нашей улицы, а то в число убитых попали бы и мы. Вовка закричал, зато подпольщики с фашистами борются. А бабушка сказала, что паны воюют, а холопы своими шкурами расплачиваются. И погнала Вовку домой.

Мама похудела, глаза ввалились и потемнели. К нам заходит редко, приносит хлеб, изредка сахар и сало. Отдает сестре и ждет, пока та при ней не съест. Бабушка обижается.

Холодный сильный ветер. Температура минус десять. Вчера лучших представителей мужской гимназии гоняли в женскую для подготовки совместного предвыборного концерта. Моя скромная личность тоже была в числе лучших, даже уж и не знаю, радоваться этому или огорчаться.

Сперва нас собрали в актовом зале, и мы совместно с преподавателями и попом из храма Александра Невского решали, какие же номера должны быть в этом концерте.

Преподаватели предлагали сделать композицию из русских народных танцев и песен, священник настаивал на включении церковно-духовных песен, а мы помалкивали, поскольку понимали, что сидим лишь для массовости. Потом заявился Распопов и приказал: исполним гимн Германии, потом духовно-нейтральную, два танца обязательно с сарафанами и подношением коменданту, какой будет, хлеба-соли, и несколько русско-народно-нейтральных. Без всяческих там намеков!

Директор женской гимназии поинтересовалась, будет ли эта акция в поддержку какого-либо одного кандидата или же общей... Распопов тоном, исключаяющим новые вопросы, ответил, что мероприятие организуется в поддержку намерений немецко-венгерских властей по привитию русскому народу зачатков демократии.

Решив таким образом главный вопрос, мы приступили к выработке программы и определению исполнителей. Певческий голос у меня отсутствовал, поэтому направили в танцевальную группу. Пока преподаватели выясняли, кто же понесет ответственность за подготовку номеров, мы знакомились и присматривались к девчонкам.

Мне сразу понравилась невысокая, круглолицая, смешливая, с милым украинским говором. Мы посмотрели друг на друга — поулыбались, и я вежливо протянул руку — знакомиться. Девочку зовут Христя, она с готовностью, без жеманства согласилась стать партнершей в танцах, даже несмотря на то, что я тотчас признался, что танцевать не умею. Она фыркнула, засмеялась и сказала, что научит.

Принесли баян, и потихоньку полилась музыка. Певцов отвели в дальний конец зала на распевки, а мы построились по парам и под руководством чопорной дамы в черном сарафане стали пробовать танцевать. Я заторопился, споткнулся, ботинки вдруг выросли и потяжелели. Как-то неловко и стеснительно обнял, как указала дама, Христю рукой за плечо, а вторую она сама взяла за ладонь. Мои руки

мигом огрубели и стали негнушимися, а подушечки пальцев наоборот приобрели чувствительность языка. Настолько, что я чувствовал сквозь грубую ткань кофты ее кожу, а на маленькой шершавой ладони мельчайшие трещинки. Лицо горело, капли пота скатывались со лба в глаза, застилая белесой пеленой.

Я был счастлив, когда первый танец закончился. Христя участливо спросила, не плохо ли мне, настолько белым и напряженным казалось ей мое лицо. Я отшутился, но посидеть на скамье не отказался. Она села рядом и что-то такое рассказывала-рассказывала, почти не обращая внимания на меня. Да я и не слушал, в области сердца разливалась тоска как после бани. Я хватал ртом воздух, показалось: именно так проходит сквозь человека время, те самые секунды, минуты, часы...

На этом первая репетиция завершилась, и нас строем погнали в свою гимназию. Она помахала мне напоследок.

Вечером приходил Вовка. Очень огорчился, что его не отобрали для участия в концерте. Дотошно выспрашивал о девчонках: как одеты, красивые или нет, понравился ли мне кто-то? Я отделался общими фразами.

Ночью были слышны разрывы снарядов, гром пушек и тяжелый гул. Бабушка тоже не спала и, услышав, как я ворочаюсь, негромко сказала, что это приближается фронт. Может быть, идет красная армия. Я у нее спросил: если снова придут большевики, мы будем жить по-старому? Она долго молчала, а потом сказала, что надеется, что будет свободнее, легче, ведь нельзя так долго жить под грузом страха и нужды.

Я неожиданно для самого себя спросил, за кого она — за красных или за немцев? Она ответила, что любая не от людей власть — это грубое насилие. А как это людская? Не знаю, уже совсем тихо прошептала бабушка. А в бога ты веришь, не удержался я. Спи-спи, станешь совсем большой, разберешься — немного, на мой взгляд, невпопад ответила бабушка.

13 ноября. Холодно. Минус десять. Ночью шел снег, а утром были видны тропинки: куда ходили люди. Посередине улицы следы танков и грузовиков.

Выступающих на концерте сняли с занятий, и мы ходили в женскую гимназию на репетицию. Разучивали барыню. Я постоянно

спотыкался и наступал Христе на ноги. Она смеялась и с удовольствием командовала нашими совместными движениями.

Через полчаса я устал так, как будто бы работал в Лапыгино. Остановился, сердце закатывалось в горло, рубаха пропотела до мокроты. Преподавательница забеспокоилась и разрешила посидеть. Через несколько минут остановились и другие. Пацанам было тяжело, да и девчонок, по-моему, спасал лишь прирожденный вкус к танцам и музыке.

Заявился Распопов и разорался, что не репетируем. Директриса ответила, что мы обессилены и нужен дополнительный паек. Тогда этот гад развернулся к нам и громко пообещал, что если через две недели концерт не будет готов, то половина из нас поедет в Германию, а других — просто расстреляют. Вместе с преподавателями — зловеще зашипел он.

15 ноября. Сильный ледяной ветер. Метель. Температура минус десять градусов. Сегодня после занятий ходил к Вовке в гости. Давно не бывал, да, в общем, и не тянуло, привык, что он бегаёт к нам. Послала бабушка. Слазила в погреб, принесла маленький шматок сала, десяток соленых огурцов, два кусочка сахара. Завернула все в тряпицу — сказала гостинец. Я удивился. Она заметила это и пояснила, что мать Вовкина болеет и надо помочь. А то, не дай бог, и придется Вовку к нам брать, чтоб не пропал.

Я поразился бабушкиному уменью из небольшого события — болезни, делать вот такие необычно большие выводы.

Вовка с матерью тоже жили в летней кухне. Саму хату захватили русские добровольцы, странное военное формирование, то большое, то маленькое. Вовка рассказывал, что они с партизанами воюют, их немцы специально натаскивают и посылают в леса по разным районам области.

Живет Вовка, на мой взгляд, хуже, чем мы. Кухня не утеплена, вместо кроватей старые тюфяки лежат прямо на полу. Стол стоит на трех ножках, табуретки шатаются. А мать его, то время, как я был у них, лежала на печи. Вот печь — хорошая. Теплая, хотя Вовка говорит, что топили еще утром. Я его чуть-чуть подзудил, и мы подперины сделали некое подобие топчанов. По крайней мере, приподняли их с пола, теперь и дуть будет меньше, и убирать под ними станет сподручней. Табуретки сбили и связали веревками. Приделали и четвертую ножку. Вовка очень благодарил, сказал, что без

меня он никогда бы такое не смог сделать. Я верю ему, он такой ветреный, озорной. А перед уходом я отдал гостинец от бабушки. Его мать так благодарствовала, что мне стало неловко, и я поскорее убежал.

17 ноября. Снег. Минус пятнадцать. Даже не верится, что недавно было лето и солнце выходило каждый день, а мы с Вовкой бегали купаться и загорать, ловить ракушки и раков и тут же, на берегу, их варить в котелке и есть.

На центральной улице и возле реки немцы и мадьяры понагнали техники. Машины, танки, артиллерия, пушки с длинным стволом, какие-то агрегаты с шестью трубами. Мы сначала медленно подошли и посмотрели издали. Часовых не было, и немцы в зеленой форме, не такой, в какой ходят городские, не противились тому, что мы подошли ближе.

Огромные, красивые машины — грузовые, сзади прицеплены пушки, на носу в белом кружке три луча, наверное, эмблема. Легковушка низкая, вытянутая и блестит как начищенная луковицей, чистенькая и не поцарапанная, переливается от серых к черным тонам. Мы даже потрогали машины: гладкие и скользкие, как лед.

Рядом стоял немец и дудел на губной гармошке. Другой присел на подножку грузовика и мазал руки чем-то из синей круглой коробочки. Вовка авторитетно сказал, что это специальный крем для рук, чтобы кожа не портилась, и пояснил, что слышал, как русские добровольцы у них в избе горевали, что немцы воюют с комфортом, с парфюмерией и какими-то лосьонами.

Немец подозвал нас, мы сначала не пошли, тогда он нахмурился и махнул автоматом. Делать нечего...

Он начал нам показывать фотокарточки: Германию, дом, женщину и двоих детей: мальчишку — противного, рыжего и толстого, и девчонку, уже взрослую. Вовка с умным видом переводил: жена, сын, дочь, усадьба... Я чуть не засмеялся, но немец нахмурился и опять потянулся за автоматом. Так мы и простояли около него с час, и он все показывал и показывал фотокарточки, пока команда не раздалась им на погрузку. Немец погладил Вовку по щеке, тот сразу зеленым сделался от ненависти, а мне дал шоколадку. Мы долго думали потом, что с ней делать, и в конце концов съели. Сладше сахара оказалась. Вовка глубокомысленно заметил, что он теперь понимает, почему русские идут служить немцам: у них еда сладше.

19 ноября. Зябко, но температура повысилась до нулевой. Ветер промозглый и противный. В гимназию ходить не хочется. Мечтаю забраться на кровать под толстое одеяло и почитать Грина алые паруса или Джека Лондона о бесстрашных золотоискателях. Бабушка так и делает — лежит на кровати, но меня гонит в гимназию. Говорит — учись. Пока есть возможность, потом пригодится, хоть при красных, хоть при ком...

В гимназии сыро, но директор пытается выбить нам дров и угля. Уборщицы приносят с улицы разный мусор и топят печи. Но они огромные, и ветер выдувает тепло, не давая ему перейти в комнаты. Пальцы мерзнут, когда мы пишем, тогда учителя заставляют вставать и делать разминку. Слегка помогает, но потом, когда садимся на холодные скамьи — снова холодно. К тому же с крыши протекает вода, и потолки почти во всех классных комнатах влажные.

Ходят слухи, что в городе появились партизаны. Они якобы подожгли немецкий госпиталь и бросили гранату в немецкий склад.

Магазины почти все закрыты, работает только один — для немцев и венгров и господ из городской управы. Продают там вещи, которые сдают за продовольствие горожане, да русские добровольцы привозят из своих походов за партизанами. Местная газета продолжает хвалить власть и немцев и печатает сводки с фронтов о том, как Германия и ее союзники доблестно воюют. Нам эти сводки ежедневно после утренней молитвы перед началом занятий в гимназии зачитывают.

21 ноября. Снова мороз. Пятнадцать градусов. Пошел густой и крупный снег.

Вовка заболел и не ходит в гимназию. Я к нему бегаю каждый день, стараюсь сразу после занятий и до комендантского часа. Венгры и полицаи ужесточили режим. Теперь как только видят, что люди собрались по три человека — сразу подбегают, начинают драться и задавать вопросы: партизаны, подпольщики? Народ запуган, и теперь даже мы в гимназии стараемся ходить по одиночке.

Из старшеклассников многих забрали в Германию. Просто пришли полицаи во главе с Распоповым, посмотрели, кто поздоровее и выше, приказали собираться и увели. Мне этот гад вонючий сказал, что я буду следующим. Ничего не стал мамке говорить, бесполезно, только ее расстрою.

23 ноября. Снова большой снег. Температура минус десять. Занятий в гимназии не было, выгнали на уборку снега с проезжей части.

Полицаи конвоировали и потом бдительно присматривали, чтобы мы тщательно убирали сугробы. Мальчишки болтают, что они так ожесточились из-за того, что им пригрозили отправкой на фронт.

С нами работали и девчонки, я с удовольствием перемигнулся с Христей, а в перекуре мы немножко поболтали. Приятно и тепло как-то стало. Я ей на прощание кусочек сахара подарил, она покраснела, но не отказалась.

Пришел поздно домой и понял, что надо чистить дорожки. Или сразу, или же вставать рано утром, перед занятиями. Колебался долго. Вышла сестра, посмотрела на меня и взяла лопату, пришлось мне брать вторую — деревянную. Чистили упорно, раза два заглядывал часовой, но помалкивал. За калиткой неожиданно нашел свои деревянные игрушки: обломанную саблю, загогулину, похожую на пистолет, и лук без тетивы. По сердцу ударило кровью. Сел на снег и как маленький зарыдал, до икоты. Сестра прибежала, начала по шапке гладить — утешать, а я не могу остановиться, держу эти дурацкие игрушки, и мысль стучит в мозгах: война... война... война.... Зашел полицай — долбанул прикладом в спину, сестра завизжала, а я перестал плакать.

25 ноября. Небольшой мороз. Небольшой снег. Занятий в гимназии снова не было. Гоняли хоронить немцев и венгров в бывший Пионерский парк. Десятка два тупорылых в бело-грязных разводах машин пришли со стороны Воронежа. Мы сначала долбили ломами землю — надо было проделать яму хотя бы по пояс, потом в углубления залезли ребята с лопатами, потому что земля пошла полегче, а мы стали выгружать трупы.

Они мерзлые, тяжелые, и если бы не белесые, как недопеченные блины, лица, то вполне смахивали бы на дрова. Двое пацанов стояли в кузове, двое принимали внизу и укладывали штабелями у могил. Там стоял немецкий священник в офицерской шинели и что-то по-немецки гнусавил. После этого их перекладывали в продолбленные и выскребленные ямы, причем на каждого нас заставили копать отдельную. А девчонки, которых тоже привели, засыпали немцев землей и укладывали на холмики венки из сосны и ели. Самое неприятное, когда натыкались на старые могилы, но фашисты махали руками — ставить своих сверху на давнишние гробы — и мы так и делали.

Христя тоже была. Мы улыбались друг другу, а уже поздно вечером, когда работа закончилась и нас разводили по гимназиям, она

сумела сунуть мне в ладонь бумажку. Дома я развернул, карандашом было написано: привет. Я спрятал бумажку в самую свою любимую книжку Джека Лондона. Потом сразу уснул, и снилось мне солнце и продовольственный магазин, в витрине которого, в вазочках, лежали горками конфеты, очень много разных конфет, а в разноцветных коробочках мои любимые леденцы.

26 ноября. Мороз пятнадцать градусов. Долго смотрел на свой градусник, желтый, поцарапанный, мутный. Какой-то он неправильный, все время показывает круглые цифры. Может, он испортился?

Снег. Вспоминал, как виделся с Христей.

Немцев-то мы хоронили на том месте, где летом, как говорит бабушка, ховали и умерших в госпитале красноармейцев. Красных сначала с духовым оркестром закладывали в могилы, а потом убитых стало много, привозили не только из госпиталя, но и с линии фронта, и перестали музыку играть. Быстро копали, тоже гоняли горожан, но хорошо — не нас, бабушка говорит, по двое — по трое складывали, и засыпали. Теперь лежат вместе: и красные, и черные. Почти весело: вы жертвою пали...

Ночью выходил во двор по-большому. Огромная, кошмарная луна висела над городом, задевая краем крышу жандармерии и тюрьмы. Так близко был лунный круг, что я видел кратеры на красно-желтой стороне, обращенной к нам. На Марсе есть жизнь, интересно, почему сначала полетели туда, а не ближе — на Луну. Может быть, там, под лунной землей, тоже живут разумные существа; и там, наверняка, нет войны. Ведь как можно воевать под землей? Тесно и еще более страшно, чем на поверхности. Я, когда вырасту и война закончится, стану аэронавтом и, как в «Аэлите», полечу на какую-нибудь планету, чтобы помогать тамошним жителям в обустройстве бытия.

28 ноября. Вчера был предвыборный концерт. До него, днем, мадьяры установили на площади памятник, на котором выбито: Венгерская армия принесла вам Веру, Землю, Демократию! Открывали его торжественно: согнали толпу, венгерский и немецкий коменданты сказали по речи, наш учитель немецкого языка переводил. Потом представили Распопова — это лучший кандидат для руководства нарождающейся демократической власти — и он тоже высказался. В том духе, что диалемы быть не может, русский народ приверженец православия и новой власти, и в глубине народа есть здоровые ростки, которые он поведет в бой за демократию.

В назидание расстреляли двух евреев, с табличками на груди: партизан, и учащихся под конвоем направили в гимназию — на концерт.

Я, когда танцевал с Христей, не замечал ничего, кроме ее лица. Жизнерадостного, веселого, с ярким румянцем на щеках, влажными губами. Мне хотелось танцевать еще и еще... А за кулисами в темноте она меня поцеловала, торопливо, и угодила в скулу. Смешно.

После концерта нас загнали в зал, причем гимназисток посадили отдельно — чтобы соблюсти, как сказал поп из Александра Невского, нравственность, — и мы еще раз выслушали наставления Распопова и венгерских, немецких офицеров, как надо себя вести, когда начнутся выборы и население поведет к урнам. Я сначала не понял, что такое урна. А потом разъяснили: это такой деревянный ящик, в который люди, и мы, будем бросать бумажки с написанной фамилией Распопова. Этот гад пригрозил, что если не приведем с собой на выборы родителей и знакомых, то расстреляют по десять заложников с каждой улицы. Выборы назначили на второе марта 1943 года.

Глава 5

1 декабря. Вовка выздоровел и как только появился у нас дома, рассказал страшную новость. Венгры проводят в городе и близлежащих слободах облавы на евреев. Кто-то из соседей указал им на Христю и ее маму, что они беженцы из Польши и евреи... Их арестовали.

3 декабря. Мороз пятнадцать градусов. Ветер, снег. Попросил маму поговорить с Распоповым, чтобы отпустили Христю. Она внимательно на меня посмотрела, помолчала, а потом непреклонно отказала.

Спросил у Вовки, где его пистолет, которым он хвастался летом. Мой друг перепугался и забормотал, что выбросил.

Бабушка сказала, что я должен крепиться, что все когда-нибудь кончается.

А я не хочу, чтобы заканчивалось плохо.

5 декабря. Долго вспоминал, кто в городе при советской власти был коммунистом или помогал им. Оказалось, что все оставшиеся после отступления большевиков красные активисты сейчас или в полиции, или в городской управе служат. Странно.

7 декабря. Мороз двадцать градусов, снег, сильный ветер. Приходили с обыском мадьяры. Забрали с бабушки валенки и полушубок, у сестры шаль и варежки, из погреба вытащили два мешка картошки, лукошко с луком, бочонок с солеными огурцами, платок с сухарями, последние головки чеснока. Больно ударили прикладом по плечу. В гимназию не хожу.

9 декабря. Забегал Вовка, рассказал, что найденных при облове евреев содержат на Казацких буграх, в концлагере. Охрана из местных полицаев, но начальником венгр. Мороз двадцать градусов, ветер. Думаю, что сделать.

11 декабря. Мороз. Снег. Ходил в гимназию, учителя дают только устные занятия, не пишем, потому что чернила мерзнут, а перья на ручках мазюкают и царапают по бумажкам. Ребята передают по рукам листовку, что Красная армия побеждает немцев под Сталинградом. Вовка сказал, что такие листовки сбрасывает самолет, летающий по ночам над городом.

13 декабря. Мороз пятнадцать градусов. Снег мелкий и прилипчивый. На улице большие сугробы. Если приходим в гимназию, то сразу выгоняют на расчистку дорог и мостов для техники, если остаемся дома — приходят и сюда полицаи и опять же выгоняют на расчистку снега. Один раз попытался спрятаться, избил бабушку и пригрозили, что, если в следующий раз я не выйду на работу, заберут сестру в Германию.

Предложил Вовке сходить на Казацкие бугры к лагерю. Может, увидим Христю и что-то сделаем. Вовка перепугался, но потом все-таки согласился. Бабушка слушала-слушала, потом молча слезила в погреб и вынесла шматок сала и сухари из белого хлеба. Сказала, чтобы я предложил полицаям, вдруг отпустят девчонку. Я сам еще взял с собой луковицу и два початка кукурузы, а Вовка в узелке сушеной рябины.

15 декабря. Очень холодно. Я не верю этому градуснику. Так холодно, что кажется, кости промерзли насквозь. На нашей кухне печка продувается ветром, тепло вылетает и почти не греет, зато дым вползает внутрь. Бабушка боится — не хватит дров и тех кусков угля, которые мы натащили летом.

Ходили в концлагерь. Самая макушка большого бугра ограждена колючей проволокой, повешенной на столбы. Ворота тоже из бревен и колючей проволоки. Четыре вышки с пулеметчиками, под ними

огромные сутробы, наверное, ветер нанес или же чистили в те стороны от середины. И двое охранников у ворот. Нас не подпустили близко — начали орать, чтоб остановились, а то застрелят.

Издали было видно, что посередине лагеря темно-серая масса, как воронья стая на рассыпанном зерне. Я сначала не уразумел увиденное, а потом Вовка сказал, что это люди сбились в огромную кучу. Кое-где на белом снегу, возле ограды и ворот, как ошметки грязи разбросанные — и до меня вдруг дошло, что это трупы.

Подшел полицай с белой повязкой на рукаве. Я ему сказал, что сын Распопова. Он на меня внимательно посмотрел и ответил, что я компрометирую высокопоставленного папеньку. Поинтересовался, что надо. Я сказал, что знакомой принес еду. И не удержался, выпалил: а можно ее забрать из лагеря? Он долго и хрипло смеялся, размахивая винтовкой, но, когда мы предложили сало и сухари, замолчал и разрешил подойти к проволоке и позвать Христю.

Мы подошли вплотную к проволоке и начали кричать. Минут десять вопили, потом темно-серая масса дрогнула, и, как расплывается чернильное пятно, так из этого объема в нашу сторону потек человеческий ручеек. Мне стало страшно. Заключение выглядели как свиньи, которых мы забивали в Лапыгино, некоторые так и передвигались — на четвереньках.

Я сорвал голос и уже не мог кричать, а только хрипел: Христя... Христя... А они ползли к нам и не было понятно, кто из них мужчина, кто женщина, только глаза видно: на пол-черепа, впадинами, из которых сочилась мутная влага. Мы стали бросать им еду, и они, поднявшись на ноги, с воем побежали прямо на нас. Я испугался до ужаса и рванул назад. Вовка за мной, а полицай начал стрелять с вышек из пулеметов.

Сколько людей покروшили — я уже не видел, потому что бежал вплоть до улицы Гитлера без остановки. Вовку не видел, он, наверное, как-то самостоятельно домой добирался.

Ночью на кухню пришел Распопов и избил поочередно меня, бабушку, сестру. Сказал, что если узнает хотя бы еще один случай с упоминанием его фамилии, то он нас поубивает.

17 декабря. Мороз двадцать пять градусов. В гимназию не хожу. Медленно заживает рука, по которой скалкой ударил Распопов. Не могу сидеть, задница кровоточит и посинела, лежу на животе. Сестра опять замолчала, и платок повязывает так, что открыты лишь

глаза. У бабушки температура и кашель. Мать приходит каждый вечер и поит нас кипятком, заваренным на рябине и морковке. Тоже молчит.

20 декабря. Мороз двадцать семь градусов. Сильный ветер со снегом. Приходили полицаи — выгнали и меня, и бабушку, и сестру на расчистку дороги. Там встретился с Вовкой. Он сказал, что лагерь на Казацких буграх ликвидировали: более или менее стоящих на ногах угнали куда-то дальше — на Украину, а больных и лежачих расстреляли на месте. Убитые там так и лежат. Охрану сняли.

22 декабря. Мороз такой же. Сильный ветер. Из города пропали кошки и собаки, не видно даже ворон, патрули русских добровольцев, да азиатов шастают по домам — еду ищут. Каждый день бомбежки. Мы уже не прячемся — привыкли.

Учащихся согнали в гимназию. Объявили, что началась подготовка к проведению рождественской елки. Обязательно будет концерт и выступление кандидатов на должность главы городской управы.

Я сказал директору, что у меня нет партнерши. Он скривился, как будто бы получил прикладом по зубам, и сказал, что буду танцевать с Вовкой, как получится.

Ненавижу.

24 декабря. Мороз. Снег слетает с небес большими, частыми хлопьями. Венгры радуются снегу — рус фанера не прилетит. Когда чистили дорогу, немецкие пушки выкапывали из колеи вместе с машинами. Не сдержался — засунул в дуло кусок мерзлой земли. Вовка увидел — покраснел от страха, с волос потек пот, но ничего не сказал, только всю обратную дорогу держался за рукав моей телогрейки и трясся.

Ночью бегал к церкви, где стоят зенитки. Часовые попрятались в теплые землянки. В затворы четырех пушек насыпал песка из нашего погреба. Прибежал домой — бабушка не спит, посмотрела на мои грязные ладони, сказала, чтоб о снег вымыл. Плохо засыпал, Христя виделась...

27 декабря. Тридцать градусов мороза. Снег. Гоняли два дня подряд на расчистку мостов через реку, ночью тоже чистили, потом снег утих, и разрешили идти домой. Спал восемнадцать часов. Потом пил кипяток с рябиной и морковкой. Ночью порвал «Алые паруса», своровал у бабушки последний коробок спичек и ходил к танкам, которые стоят в капонирах у реки. Часовых не было, фрицы привыкли к

тишине и спокойствию. Подложил Ассоль под снарядные ящики и поджег. Убежал далеко, и только потом начали рваться снаряды.

Успел домой примчаться, скинуть верхнюю одежду, сапоги и упасть в кровать. Зашел Распопов, развернул от стенки, внимательно посмотрел, ударил по лицу, но промолчал. В коробке осталось пять спичек, бабушка потребовала, чтобы я его вернул и больше не брал. Я отдал.

Спал плохо. Снились вороны.

30 декабря. Снег двое суток подряд. Мороз до тридцати градусов. Приходим в гимназию, и нас сразу гонят на расчистку колеи для машин и танков. Дома завалены сугробами под крышу. Магазины не работают, а городские патрули ходят по улицам на коротких лыжах. Домой не отпускают, ночуем прямо в классах, на партах. Позавче

ра венгры расстреляли двадцать человек. За подожженные танки. Среди них была Вовкина мать. Он сказал, что открутил бы голову тому, кто поджигал. Лицо у него при этих словах заострилось и вызверилось, он не мигал, а губы сплющились в тонкую полосочку и втянулись под зубы, резцы выперли наружу и с одного скапнула маленькая слюнка.

Глава 6

1 января 1943 года. Перед полночью приходила мать. Принесла мне и сестре по конфете, бабушке и себе самогон. Налила морковного чаю нам и самогон в кружки себе и бабушке. Очень тихо поздравила с новым годом. Пожелала остаться живыми. Выпили. Молчали. Мать обняла бабушку, и они потихоньку завыли. Глаза сухие. До войны на новый год они всегда пели веселые песни. Становились похожими друг на друга, как в зеркало смотрелись. Смеялись. А теперь не похожи. Мать худая, красивая, горит изнутри огнем, а лицо бабушки пепельного цвета, уголки губ опустились, под носом выросли седые короткие волосы. Как у Сталина. А выли они однотонно, совпадающее, с пониманием о чем.

2 января. Тридцать градусов мороза. Снег закончился, перестал назойливо мельтешить и колоть кожу. Он покрыл рубцы танковых гусениц, грязь, неведомые останки какой-то живности. Воздух прозрачный и ледяной, с крыш свисают огромные толстые и острые сосульки.

Преподаватели гимназии стали тонкими и высокими. Лица у них черные или серые. Нас, четверых, оставшихся без партнерш, вызывал директор. Сказал, что двоим придется одеть сарафан и изображать девчонок. Мы не спорили, только я попросил, чтобы мне поставили другую пару, не Вовку.

Увидел случайно себя в директорское зеркало, встроенное в шкаф. Не узнал: какая-то мутная тень, с висящими длинными, почти до колен руками, в темных тряпках, даже не похожая на человека. И лица совершенно не видно, тусклое пятнышко. Решил, что зеркало просто покорежено от взрывов и бомбежек, неправильное. Потому что до войны, — я это прекрасно помнил, — мое отражение было розовым и веселым. Я всегда рожи корчил смешные, когда смотрелся в большие зеркала в доме пионеров, в кинотеатре, даже в больших желтых трубах городского оркестра, игравшего по субботам в том парке, где сейчас хоронят гансов, и мое отражение хоть и было кривым, но неизменно веселым. Поэтому я, подумав, понял, что директорское зеркало сместилось от потрясений.

Вовка свирепо поинтересовался, почему не хочу танцевать с ним. Ответил ему, что танки поджег я. Он остановился в коридоре, а я пошел дальше.

Потом был рождественский вечер. Полицаи притащили высокую елку, установили в актовом зале школы. На верхушку прилепили черную свастику, а на ветви мы нацепили куколок, сделанных из ваты и бинтов, обрывки газет и венгерские почтовые открытки. Над сценой повесили большой портрет фюрера, украшенный лапником и черно-красными лентами.

Поп помахал кадиллом и прогнусавил проповедь о том, что все люди братья и сестры и только добрые дела и покаяние принесут в этот мир спокойствие и стабильность.

Как танцевал, не знаю, лишь заметил, что Вовка упорно старается не встречаться со мной взглядом. Потом снова о своей диалеме выступал Распопов, а в заключение собравшихся поздравили немецкий комендант майор Гаух, призвавший столь же активно, как и сейчас, поучаствовать в предстоящих выборах, которые назначены на второе марта.

На кухне для исполнителей концертных номеров накрыли стол, начальство ушло пировать в кабинет директора. Каждому достался кусочек вареной капусты, четвертинка свеклы и морковный чай с немецкой галетой.

3 января. Мороз тридцать градусов. Из Германии приходят письма от уехавших. Начинаются они одинаково: «Здравствуйте, дорогие родные, пришлите мне валенки, фуфайку и шапку». И подпись.

4 января. Мороз двадцать семь градусов. Снег. Немцы выпустили лотерею в честь скорой победы великой Германии. По домам ходят полицаи — забирают еду, а вместо денег отдают лотерейные билеты.

5 января. Мороз тридцать пять градусов. Снега нет. Фронт приблизился вплотную к городу. Даже днем видны вспышки разрывов и слышна стрельба. Вовка не приходит.

Каждую ночь прилетают один-два небольших самолета с красными звездами на крыльях — сбрасывают осветительную бомбу, а потом начинают бомбить. Днем появлялись и красноармейские штурмовики, обычно очень низко, и совершали налеты на немецкий аэродром.

Вчера рано утром на участок напротив нашего дома красные выбросили десант. Его поддержал огнем пулемет с водонапорной башни и какие-то люди в штатской одежде, атаковавшие немецкие позиции из-за реки. Немцы сначала ошалели от неожиданности, а потом переставили пулеметы и пушки на прямую наводку и стали бить штурмующих в упор. Через полчаса поле покрылось бугорками и черными воронками, будто крот прошелся. Раненых добили там же, пулеметчика стащили с башни еще живым и повесили возле базара. Да вдобавок расстреляли еще десятерых из ближайших хат за то, что среди нападавших были гражданские.

7 января. Два дня город бомбят красные. А сегодня с утра после самолетов стала стрелять артиллерия. Мы сидим в погребе. Темно, сыро. Мать как ушла вчера на работу, так еще и не возвращалась.

9 января. Сидим в погребе. Наверху очень сильно стреляют. Погреб трясется, с потолка сыплется земля. От долгого сидения в темноте стал различать предметы. Иногда, чтобы перекусить, зажигаю керосиновую лампу. Сестра вцепилась в руку и не отпускает, даже когда ходит в дальний угол по-маленькому. Бабушка умерла.

10 января. Хочется пить. Бабушка завоняла, сестра уже раза четыре рвалась, последний — жидкостью желтого цвета. Мамы нет.

12 января. Мороз тридцать градусов. Ясно. В небе огромная красная луна. Видны кратеры. Облака проплывают рядом, сквозь зеленоватым светом. Нас шатает. Вчера ночью вылезли из погреба, поскольку большая стрельба прекратилась.

На границе нашего и соседского участка воронка от бомбы. Вытащил в три приема из погреба бабушку, тяжелая, переволок в эту яму и закопал. Сестра болталась рядом и молчала. Ну, хорошо хоть перестала цепляться за меня.

13 января. Мороз двадцать восемь градусов. Сильный ветер.

Сегодня в слободу Ямскую вошли полевые мадьярские части. Вчера они побирались по домам, христарадничали — не угрожали, им немцы три дня еды не давали за то, что не удержали оборону.

14 января. Мороз за тридцать. Воздух звенит от стылости.

Близко бьет артиллерия. Все бросили работать, немцы уезжают. Магазины распахнутые, товары растащили. Телефоны сняли. Со шляха тянут уголь.

Матери и Распопова нет. Сестра отморозила щеки, они почернели и стали сыпаться большими кусками кожи. Молчит.

Бомбежка и артиллерийские налеты продолжаются. Мы перешли в дом, потому что в погреб попала бомба, а кухню разворотил немецкий танк. Я с трудом нашел дневник и кое-какие продукты. В доме немцы соорудили дзот, заложив одно из окон мешками с песком, а на огороде выкопали траншею и установили зенитное орудие.

17 января. Мороз.

Прислуживаем немцам. Таскаем боеприпасы, чистим снег и укрепляем землей бруствер траншеи. Питаемся рябиной и морковкой, постоянно тошнит. Гансы ходят как больные и дерутся по каждому поводу. Еды и теплой одежды у них тоже мало, если видят нас жующих — пристают, угрожают — где пицца?

Вечером железнодорожная станция загорелась в двух местах.

21 января. Холодно.

Красные бомбят, стреляют из пушек. Утром вспыхнула нефтебаза, дым закрыл полгорода. В полдень летали русские самолеты, обстреливали и бомбили Казацкий шлях, по которому немцы отступают.

Мы сидим в траншее вместе с зенитчиками. Дом разрушен снарядами. Убитые немцы валяются рядом. Хорошо, идет снег, закрывает трупы, никто не заставляет хоронить.

Вчера старый фриц дал сестре кусок хлеба. Она лежит второй день на тряпках в углу окопа.

24 января. Холодно. Пальцы распухли и не держат карандаш.

Гансы пытались заставить нас выкопать могилу. Но сестра не поднялась вообще, а я не смог держать в руках лом. Старый немец что-то крикнул своим и те отстали.

Он смотрел, как я пишу в дневнике, но отбирать не стал.

27 января. Очень холодно.

Утром занялась канатная фабрика. Она горела ночь и день. Там жутко рвались снаряды. Немецкие самолеты бомбили фронт за канатной. В полдень сбили немецкий самолет.

Сестра умерла.

Приходил Распопов с двумя полицаями. Сказал, что он разведчик красной армии.

Немецкие части ночью двигались из города.

1 февраля. Очень холодно.

Очень сильно стреляют.

Очень дымно.

Болит голова...

Где мама?

Эпилог от М. Файнштейна

Дневник обрывается на этой записи. Я могу добавить к нему, что 5 февраля город Старый Оскол был освобожден. Бой за город стал составной частью Воронежско-Касторненской операции.

26 января части 107-й стрелковой дивизии под командованием полковника П. М. Бежко после тяжелого марша от Острогжска по бездорожью в сильный мороз и метель развернулись на рубеже от села Новокладового до деревни Незнамово и начали наступление на Старый Оскол и пригородные слободы, где оборонялись более двух полков 26-й немецкой пехотной дивизии, усиленных артиллерией и венгерскими подразделениями, группами жандармов и несколькими батальонами эсэсовцев.

По всему фронту наступления от окраин слободы Пушкарской до села Каплино разгорелись ожесточенные бои. Фашисты по нескольку раз в день ходили в контратаку и откатывались назад. Немецкая транспортная авиация пыталась оказать помощь окруженным, сбрасывая боеприпасы и продовольствие на парашютах.

С юго-востока на Старый Оскол наступала 340 я стрелковая дивизия генерала С. С. Мартиросяна. Полки дивизии освобождали слободы Стрелецкую и Ямскую. Им сопротивление оказывали полицаи, части русских добровольцев и азиатские подразделения. Пленных не брали обе стороны, раненых добивали.

Для переправы танков и артиллерии Красной Армии в ночное время было построено несколько свайных мостов южнее города, бронетехника без потерь прошла реку Оскол и завязала бои на окраине слободы Ямской.

Днем 5 февраля бойцы 107-й дивизии ворвались в город. В нескольких местах на уцелевших зданиях были водружены Красные знамена. Вслед за армейскими частями в город вошел полк НКВД, группа четвертого отделения Курского управления НКВД для оперативного розыска и задержания предателей и агентов фашистских спецслужб. Организованы трофейные и похоронные команды, милиция, истребительный батальон.

Взятых в плен венгерских евреев, — 400 человек, — отправили в лагерь в село Луги, и они все там померли от тифа. Трупы свалили в силосные ямы и закопали.

Это — то небольшое, что мне удалось выяснить. Фамилии Распопова и других, упомянутых в дневнике, нигде не попались: ни в ответах из ФСБ, ни в письмах из различных архивов, ни в областных и местных газетах.

В старооскольский клуб «Поиск», занимающийся розыском захоронений времен Великой Отечественной войны, недавно пришел запрос из венгерского посольства в России по поводу могилы венгерского офицера. К официальной бумаге было приложено письмо родственников из Будапешта и план венгерского кладбища. Как оказалось, сейчас вместо этого кладбища площадь с фонтаном и цветочными клумбами перед кинотеатром «Октябрь». Поисковики ничего не ответили венграм...

